

ПЕТР БАЛАЕВ

К Л И М ВОРОШИЛОВ

ПЕРВЫЙ МАРШАЛ СТРАНЫ СОВЕТОВ

ДРУГ СТАЛИНА, ВРАГ ХРУЩЕВА

Петр Григорьевич Балаев Клим Ворошилов. Первый Маршал страны Советов. Друг Сталина, враг Хрущёва

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36981661

*Клим Ворошилов Первый Маршал страны Советов Друг Сталина, враг
Хрущёва: Книжный мир;
ISBN 978-5-9909784-6-1*

Аннотация

Мы сегодня наблюдаем бум интереса к Сталину и его времени. Публикаций и исследований, посвященных им, невозможно сосчитать. Но во всей массе работ на эту тему именно личность Климент Ворошилова не вызывает практически никакого интереса. Берия – есть. Молотов – есть. Есть Маленков и Каганович... А о человеке, который и в песнях, и на множестве фотографий рядом со Сталиным – ничего! Никому из историков-сталинистов личность Климент Ворошилова не интересна!

Но если исследовать подлинную деятельность Ворошилова-революционера, военачальника, дипломата и коммуниста, то это даст ключ к пониманию всей нелепости тех концепций советской истории, которые были навязаны нашему обществу от брежневских времен до современности.

Правда о первом маршале Советской страны предстает в ином, чем мы привыкли, свете такие ключевые моменты нашей истории XX века, как революция 1917 г., руководство Красной армией в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, причины убийства И.В. Сталина, хрущевско-брежневский переворот в КПСС, противостояние СССР и КНР и, наконец, предательство советских элит и распад Советского Союза. Более того, даже современная геополитическая конфигурация многополярного мира с конфронтацией США и КНР является, по мнению автора, результатом дипломатических усилий К.Е. Ворошилова, не допустившего сползания компартии Китая в оппортунизм в конце 1950-х гг.

Эта книга – первая за почти полвека попытка, как пишет сам автор, «хоть немного очистить имя первого маршала от грязи и клеветы, оценить его выдающуюся роль в советской истории и показать, как она будет выглядеть, если Ворошилов займет в ней своё достойное место».

Содержание

Предисловие »	5
Глава 1	12
Глава 2	43
Глава 3	61
Глава 4	89
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**Пётр Балаев
Клим Ворошилов
Первый Маршал
страны Советов Друг
Сталина, враг Хрущёва**

**Предисловие »
«Таких людей уже нет,
он был одним таким»**

Первые запомнившиеся мгновения детства. Самое яркое, что врезалось в сознание.

Мне 4 года. Дедушка, Павел Карпович, подобрал в поле оставшегося без матери косуленка. Палисадник. Я собираю и ем малину, а косуленок Мишка ее ворует у меня из рук...

Хмельные Павел Карпович и его брат дед Коля. Я в первый раз видел, как плачут взрослые люди. Как они сквозь слезы пели какие-то песни про псов-атаманов, любимого наркома, который поведет их по дороге знакомой, Первого маршала и Сталина, как врагов сокрушили у озера Хасан,

как имя Ворошилов запомнил польский пан... Что-то сердито сказала зашедшая в дом бабушка Таня... Сверкающая наградная шашка в руках деда, рухнувший перерубленный фикус, толщиной с приличную сосну, крошево стульев, убегающая бабушка, во дворе визг разрубленного на две половины поперек кабана, откармливаемого к Новому году, и посеченный штaketник забора...

В 1979 году от рака желудка умерла бабушка Таня. Дед очень сильно тосковал и упросил моих родителей отпустить меня, своего самого любимого внука, пожить к нему. Вечера с рассказами дедушки о его жизни, о любви к покойной жене, о войне...

Я ему как-то напомнил тот случай, когда он буянил с шашкой. Узнал, что это было в день смерти Климента Ефремовича Ворошилова. «Таких людей уже нет, он был одним таким», – слова деда.

Так и остался мой дедушка для меня непонятным и загадочным человеком. Юношеское раздолбайство. А теперь горькое чувство упущенного. Сидеть бы сейчас перед Павлом Карповичем и старательно записывать всё, что он говорил мне теми вечерами!

Ушло поколение наших дедов, унеся память о своей жизни с собой. Мы, по своей малолетней глупости, увлеченные собственной молодостью, только едва притронулись к той памяти, выхватив из нее куцые фрагменты.

Поколение абсолютно непонятных нам людей. Простой

конюх, вообще никогда не учившийся в школе, точнее, учившийся в церковно-приходской школе меньше месяца, — и книжная полка в доме с многочисленными мемуарами. Самое первое издание «Воспоминаний и размышлений» Г.К. Жукова и, с бережно обернутой газетой обложкой, любимая и часто перечитываемая книга «Пройденный путь» Семена Михайловича Буденного. Куда-то исчезнувшие после смерти дедушки письма, там и письмо, и поздравительная открытка бывшему старшине-сверхсрочнику Первой Конной от маршала Буденного. Рассорившиеся родственники не посчитали нужным прислать мне телеграмму, когда умер Павел Карпович, делили наследство...

Непонятная мне, советскому школьнику, откровенная ненависть ко всем коммунистам скопом, коммунистам тех лет. Презрение к Брежневу, день рождения которого был в один день с дедовским. Слова Павла Карповича, когда в телевизоре возникала фигура «дорого Леонида Ильича», смачно целующегося с мужиками: «Опять наакался, сволочь».

И в те годы вообще дико звучавшее для меня его утверждение, что тогда, при Сталине, они жили счастливо, а сегодня...

Брат дедушки Николай Карпович, ушедший на фронт рядовым и закончивший войну уже на Дальнем Востоке командиром роты, уволенный из армии в годы хрущевщины. Их с дедушкой воспоминания о войне, без всякого нытья о лишениях и страданиях, фронтовые хохмы и тосты за погибших.

Дед Коля включает телевизор, начинается передача К. Симонова «Солдатские мемуары»: «Ну, кто там сегодня у него сопли размазывать будет?».

Что-то другое нам, тогдашней молодежи, всучили вместо Советской истории, вместо реальной истории жизни наших дедов. Какую-то муть в виде воспоминаний тщательно отобранных ветеранов о муках и страданиях.

А дед мне рассказывал потом вечерами о Клименте Ефремовиче, о его храбрости, как красноармейцы любили своего наркома, как они молодыми хотели быть похожими на него, о подвигах во время Гражданской, о знаменитом коне Маузере.

Я не верил его словам о том, что в Великую Отечественную командовали всеми войсками и разрабатывали все операции Сталин, Ворошилов, Буденный, Тимошенко, все вместе они назывались – Ставка. Нам уже тогда внушили: командующие фронтами главные фигуры.

Не верил тому, что Ворошилов был умнее и образованнее, как Павел Карпович говорил, чем все профессора скопом. Что его смертельно боялись «коммунисты» до самой его кончины, на радостях даже грандиозные похороны организовали, продержав до смерти чуть ли не под домашним арестом.

* * *

Первое чувство, возникшее, когда я стал собирать по ку-

сочкам сведения о жизни и деятельности Климента Ефремовича – грандиозность масштабов и бессовестность лжи, сваленной на этого человека. Сегодня самым оболганным считается у нас Лаврентий Павлович Берия. Но это не совсем так. Берия даже у хрущевской сволочи представлен коварным, но умным. Это ложь, конечно. Но ложь не настолько оскорбительная, как то, что вылилось на Ворошилова. Своего самого страшного врага они выставили в наиболее гнусном свете. Из Климента Ефремовича изобразили дурака. Этакого ущербного умом клеветы Сталина, который нужен был Вождю только для борьбы со своими противниками в армейской среде, больше никакой ценности он собой не представлял.

Потом, уже из понимания этой лжи, начало формироваться представление о Ворошилове, как об одном из близких соратников Сталина. И опять начались нестыковки. Не получался из Климента Ефремовича соратник. Вернее, не совсем он соратником был. Слишком велика его фигура для просто соратника. Слишком открыто эти два великих человека дружили.

Мы сегодня наблюдаем настоящий бум интереса к Сталину и его времени. Публикаций, исследований, им посвященных – со счета сбиться можно. Но обратите внимание, во всей массе работ на эту тему, именно личность Климента Ефремовича не вызывает никакого, абсолютно никакого интереса. Довольно далекий от Вождя Берия – есть. Моло-

тов – есть. Маленков, Каганович... А о человеке, о котором песни сочиняли, который в песнях и на фотографиях рядом со Сталиным (существует колоссальный фотоархив, где они запечатлены в самой разной обстановке рядом и видно из фотографий, что они близки настолько, насколько могут быть близки самые лучшие друзья, почти братья) – ничего... и никому из историков-сталинистов личность Ворошилова неинтересна. Извините, но такую заметную фигуру рядом с Вождем сознательно обойти молчанием невозможно. Обязательно о ней споткнешься. Но обходят.

И ведь Климент Ефремович замечен не только близостью к Сталину! Старейший член партии большевиков, виднейший деятель революционного движения, человек, который, по воспоминаниям современников, пользовался особым расположением В.И. Ленина, был частым гостем в кабинете Ильича, когда возглавлял градоначальство Петрограда и участвовал в создании ВЧК, – практически полностью вычеркнут из историографии революции. Последние упоминания только у биографов в начале 70-х годов прошлого столетия. Дальше – забвение.

Только когда я сам начал пробовать ставить фигуру Первого маршала на то место, которое он в реальности занимал в истории нашей страны, я осознал причину такого к нему отношения. Роль, значение, деятельность Климента Ефремовича превращает в труху, в нагромождение нелепиц все, и брежневские, и современные исторические концепции рус-

ской революции, гражданской войны, времени предвоенного строительства, существенно меняет представления о советском руководстве в Великой Отечественной войне и полностью уничтожает всё, что напридумывали «сталинисты» о смерти Иосифа Виссарионовича и последующих событиях, приведших к распаду СССР.

Пока я делаю всего лишь попытку хоть немного очистить имя Первого Маршала от грязи и клеветы, оценить его выдающуюся роль в истории нашей Родины и показать, как наша история будет выглядеть, если в ней Первый маршал займет своё достойное место.

Глава 1

«Хотя Ворошилов был из Луганских рабочих, из привилегированной верхушки, но по всем своим повадкам он всегда больше напоминал хозяйчика, чем пролетария».

(Л. Д. Т р о ц к и й)

17 октября 1961 года открылся XXII съезд КПСС. После процедур избрания Президиума и комиссий, утверждения повестки и регламента, первым на съезде выступил с отчетным докладом Никита Сергеевич Хрущев. Много чего он говорил об успехах СССР и о поражении империализма. Пообещал советскому народу построить коммунизм через 20 лет. Обещать нужно было много, никак не меньше коммунизма. Потому что за высосанными из пальца цифрами статистики, отмечающей невиданный рост производства и благосостояния народа, стояла совсем другая картина. Ликвидация после XX съезда сталинских принципов в экономике, отмеченная безумным освоением целинных земель, совнархозами, диким перекосом в приоритете производства средств производства над товарами народного потребления, уничтожением общественной, кооперативной собственности, отменой сталинских принципов оплаты за труд уже давала

свои плоды. Начали ползти вверх цены на товары. Цены, которые при Сталине ежегодно снижались. Полки магазинов пустели, появилось понятие в торговле – дефицит. Зарплаты, которые при Сталине росли, стали уменьшаться. О самом Хрущеве люди сочиняли оскорбительные частушки.

За столом Президиума съезда, в цивильном костюме, сидел абсолютно седой старик, грубые черты лица которого и жесткий взгляд выдавали в нем военного человека. Первый маршал страны. Климент Ефремович Ворошилов. В 1961 году ему исполнилось 80 лет. Он ждал главных слов в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, тех слов, которые должны были обозначить – зачем именно этот съезд и был собран, что он должен был сделать, чего не было в повестке.

Наконец, Никита Сергеевич в своем выступлении перешел к вопросам партийного строительства, и его прорвало. Размахивая кулаками и брызгая слюной, Первый секретарь почти зашелся в истерике: «Ленинский курс, выраженный XX съездом, пришлось первое время проводить в условиях ожесточенного сопротивления со стороны антипартийных элементов, рьяных приверженцев методов и порядков, господствовавших при культе личности, ревизионистов и догматиков. Против ленинского курса партии высту-

пила фракционная антипартийная группа, в которую входили Молотов, Каганович, Маленков, Ворошилов, Булганин, Первухин, Сабуров и примкнувший к ним Шепелов...».

В зале присутствовала делегация китайских коммунистов. Ее глава, один из величайших революционеров, Чжоу Эньлай и Первый маршал переглянулись...

Можно сказать, что Клименту Ефремовичу Ворошилову судьба начала выкладывать сразу после рождения на плечи особо жирные и сочные куски «счастья».

Родился Клим 4 февраля 1881 года в семье батраков. Его отец, Ефрем Андреевич, происходил из крестьян Екатеринославской губернии и в 18 лет был забрит в рекруты. От-тарабанил на царской службе 10 лет солдатчины, вернулся в семью, но она его не приняла. Остался бывший солдат без своего надела земли. Потому что очень «заботящийся» о своем народе царь умудрился «не заметить», что рекрутов исключали после призыва из ревизской сказки. И вот с тем, что получил Ефрем Андреевич за службу царю и Отечеству – форменные портки и фуражку без козырька, – он и отправился зарабатывать себе на хлеб в качестве батрака. Естественно, жена ему полагалась по ранжиру из той же категории.

Он и женился на такой же бедолаге, Марье Васильевне Агафоновой, она была на 13 лет младше своего мужа, и, по всей видимости, вышла замуж примерно в 20-летнем воз-

расте, что для крестьянской девушки очень поздно. Скорее всего, семья была настолько бедной, что в приданное, даже самое простое, крестьянское, нечего было за ней давать.

Мария Васильевна Ворошилова

Ефрем Андреевич Ворошилов

Собрали молодожены после свадьбы все свое имущество

в узелок и побрели искать работу и угол. Так всю жизнь они и мыкались по хозяйским углам, хорошо еще, если это была дощатая будка, а часто просто копали землянку себе. Родили пятерых детишек. Само собой, двое у них в младенчестве умерли (обычная ситуация). Выжили Клим, родившийся 4 февраля 1881 года и его две сестренки: Катя и Аня.

Отставной солдат Ефрем Ворошилов мог наняться только на самую неквалифицированную работу, потому что был абсолютно неграмотным. Честно говоря, я просто не могу этого себе представить: человек больше 10 лет прослужил в армии, а в грамоте – ни бе, ни ме. Я не могу вообразить даже приблизительно, что с точки зрения человеческих качеств представляли из себя его командиры. Понятно, что, как офицеры, они были полнейшим дерьмом. Первосортным калом. Во времена становившейся массовой артиллерии ценность неграмотного солдата равнялась ценности дрессированной обезьяны. Уже отгромыхала франко-прусская война, Бисмарк откровенно сказал, что победу германскому оружию обеспечил немецкий учитель. Японцы весь народ своих островов засадили за парты, введя обязательное начальное образование. Только русские военачальники продолжали командовать людьми, которые даже не могли расписаться в ведомости за получение денежного довольствия. О чтении уставов и наставлений... Солдат, читающий устав – это было нечто фантастическое для русской армии.

Конечно, если солдат абсолютно неграмотен и в полковой

ведомости на выдачу денег стоят не подписи, а одни крестики, то простор для махинаций с денежными суммами, отпущенными солдатам, открывается грандиозный. Именно поэтому в походе за свободу и независимость Болгарии русских воинов умерло от болезней гораздо больше, чем погибло от турецких пуль и ятаганов.

Но если уж ты, скотина, дерьмовый офицер, то хоть какая-то капелька человеческого в тебе должна быть? Твои же подчиненные, не умеющие написать и прочесть письмо, оказались лишенными всякой возможности общения с родными и близкими! Представить тяжело, что твой солдат тоскует по дому? Так дай ты ему возможность хотя бы связь через письма поддерживать. Ведь это же времени нужно два месяца максимум по паре часов в день позаниматься с ними грамотой...

10 лет продержат парня на службе – и не догадаться его грамоте обучить! Два месяца занятий по паре часов в день всего-то! Ведь грамотный солдат – это же солдат совершенно другого качества! И донесение он в разведке составит, и карту прочесть сможет, если вдруг с командиром что, и устав проще ему доводить... И после дембеля жизнь у солдата совсем другой будет, совсем не такой, что на долю Ворошилова выпала. Офицеры... Командиры дрессированных обезьян, а не офицеры. Их потомкам придется столкнуться на поле боя с сыновьями этих ефремов. Там всё наружу и вылезет.

Потом, когда Клим уже начнет лупить этих «полковод-

цев» в хвост и в гриву, на предложения набить ему штаб военспецами – вот этими обезьянами в эполетах, будет отвечать:

– А на хрена они мне? Пока и без них не плачем...

Отец будущего Первого маршала был человеком нрава сурового и несправедливости не терпел. Намыкалась из-за этого семья. Малейшая обида со стороны всяких приказчиков-работодателей заканчивалась разбитой мордой обидчика, приходилось Марии Васильевне собирать узелки со скарбом и Ворошиловы отправлялись дальше странствовать в поисках новой работы.

Хотя потом Климент Ефремович вспоминал отцовский крутой характер (но жены и детей эта крутизна не касалась) и его манеру пускать в ход кулаки с сожалением – слишком много горя это семье принесло, – но характер он унаследовал. Злить Ворошилова подлостью и хамством было категорически противопоказано.

Будущему Первому маршалу «повезло» родиться на самом дне того общества. Семья безземельных и бездомных батраков – дальше, ниже ничего уже нет. Всё. Аналог детей подземелья из Короленко. Это не просто пролетариат, как, например, промышленные рабочие, это еще – вниз, до самой глубины.

Это именно тот социальный слой в империи, на который власть вообще внимания никакого не обращала. Парии. Каста неприкасаемых. Вроде бродячих собак, на которых всем

плевать, пока они кусать не начнут, либо если прохожий заметит в стае симпатичного щенка и приласкает его на ходу. Здесь же и забудет.

Совсем маленьким мальчиком Клим с матерью были замечены такими «любителями животных». Одно время Ворошиловы батрачили в поместье генерала Суханова. Мария Васильевна с сыном попались на глаза его дочерям. Тем понравился мальчик, они потащили мать с сыном в усадьбу. Климент Ефремович на всю жизнь запомнил это самое яркое впечатление детства. Дом помещика он воспринял как сказочный дворец. Они с матерью боялись прикоснуться к чему-нибудь, им казалось, что даже их одежда может что-то в этом доме осквернить. Им барышни дали конфетку и пряник, полюбовались симпатичным мальчиком и всё, из дома выставили и забыли. Поиграли со «щенком».

Трудовая биография Первого маршала началась традиционно для почти всех советских маршалов – с подпaska. Вернее, сразу – с пастуха. В семь лет Клим со своим таким же сопливым напарником, только старше на 2 года, начали пасти деревенский скот.

Сегодняшние яйцеголовые интеллигенты могут только презрительно хмыкнуть на мое утверждение, что именно ранняя трудовая деятельность вот такими пастушками, сформировала наших будущих прославленных полководцев как людей умных, талантливых. И не только полководцев.

В детстве мне приходилось пасти коров. Советую интел-

лектуалам, считающим эту работу примитивной, наняться на сезон в пастухи. Я видел людей, которые плакали не в силах со стадом управиться. Причем это были деревенские люди, взрослые мужики. Как-то наш сельский пастух, который каждое лето пас коров частников, заломил цену за «услугу» совсем непомерную. И люди решили стадо пасти по очереди. Помучились и согласились на условия пастуха. Сложная эта работа. Квалификации требует.

А вот маленький Клим с напарником справлялись. Я даже не совсем хорошо понимаю, как два мальчишки, одному 7, второму 9 лет, могли делать эту работу. Одни овода чего стоили. Период оводов – это каждый день, в самую жару – поголовное бешенство стада. Как эти два сопляка удерживали коров от разбегания в разные стороны – загадка. Они еще и не на лошадях пасли, а пешком.

Климент Ефремович, кстати, и вспоминал, что именно овода им больше всего неприятностей и приносили. Вспоминал, как его напарник лепил из глины настолько мастерски фигурки животных и людей, что они казались живыми. Понятно, это впечатления ребенка. Но вот в художественную школу, естественно, паренек не попал и затерялся, сгинул где-то с нарождающимся талантом скульптора. Обычное дело. Меценатов на крестьянских детишек не хватало.

Характер у Климата формировался бойцовский. Спуску мальчишка обидчикам не давал, и за себя мог постоять, и за слабых. Сынок приказчика повадился обижать малышню.

Пока не получил от Клима поленом по затылку. И обещание: – Не исправишься – вообще убью!

Пережить будущему маршалу в детстве пришлось всё, что мог пережить ребенок простых русских людей. В том числе и нищенство – с сумой милостыню приходилось ходить просить. Это была настоящая трагедия в семье работающих людей. Навсегда Клим запомнил слезы матери, когда она отправляла детей побираться.

А тогдашнему правительству «бродячие животные» вообще не интересны были. Правда, когда началась война с Турцией за освобождение славян, про Ефрема Андреевича снова царь вспомнил, выдернули из семьи и отправили братьев от ига избавлять. Болгары же страдали невероятно, их турки угнетали жестоко. Отвоевал Ворошилов-старший еще два года и вернулся на родину, освободив балканских единоверцев и сам совершенно свободный. Свободный настолько, насколько может быть свободным человек: от всего земного, от дома и любой движимой и недвижимой собственности, от работы и постоянного заработка, от средств к существованию. От всего. Птичка божья.

Только жена, каким-то чудом не околевавшая от голода за время исполнения главой семьи «патриотического долга», и выводок детей. Ну, ведь никто жениться не заставлял. Осознанный выбор свободного человека.

Биографы Климента Ефремовича писали, что родился будущий революционер в семье железнодорожника. То ли ро-

дословную ему пытались рабочую придумать, как вожаку пролетарских масс, то ли просто невнимательно отнеслись к биографии своего героя. Да, в железнодорожной будке Марья Васильевна родила Клима, как раз в тот период муж ее устроился на работу путевым обходчиком. Только рабочая биография Ефрема недолго длилась.

Как я уже писал, Климент Ефремович вспоминал, что его батя не был безответной скотиной. Несправедливости никому он не прощал. А бороться с несправедливостью старый неграмотный солдат мог, не сочиняя челобитные, а только одним доступным ему способом – в морду! Разбитой мордой какого-то небольшого начальника (за большого на каторгу отправили бы) и закончилась «рабочая биография». Семья из будки переселилась в землянку.

Это белорусские партизаны преодолевали тяготы и лишения партизанской жизни, бросив села, оккупированные немецко-фашистскими захватчиками, и скрываясь на базах в лесах, живя в землянках. Тяжело им было.

Вот как народ разбаловался к тому времени! Ворошиловы безо всякой оккупации себе выкопали землянку, в ней с пятью детьми обитали и даже не уходили диверсии на железной дороге устраивать. Обыденно это было для тех лет в их социальном слое. Дно.

Что удивительно, это дно общества считалось у тогдашних марксистов крестьянской мелкобуржуазией. Муж – из крестьян, жена – из крестьян, на заводе не работают. Даже

в городе не живут. Правильно же? Кто они? Крестьяне. Всё логично. Только один «нелогичный» Ульянов-Ленин понимал, какая это «мелкобуржуазия».

Вот в таких условиях Ворошиловы и «настрогали» пятерых детишек, приняв посильное участие в процессе роста народонаселения Российской империи. Еще женился Ефрем Андреевич поздновато, а то бы и больше успел в этом плане сделать. Можно, конечно, с позиции сегодняшнего дня фыркнуть: а головой какой думали, когда нищету плодили?

Думали какой нужно головой. Если детишек не будет или совсем мало будет, то кто в старости, когда окончательно на работе надорвешься, кормить тебя будет? Руки на себя наложить? Так вера православная самоубийц осуждала. Вот и старались люди плодиться, не ради любви к детям, а ради куска хлеба в старости. Конечно, еще и с противозачаточными средствами проблемы были в те времена, но если бы так нужно было, то, поверьте, нашли бы достаточно способов избежать нежелательной беременности. Было и такое, разумеется, что нищета просто вдавливала людей совсем в животное состояние, и они уже жили и размножались как животные. И такое было.

Самая младшая сестренка Климента Ефремовича, самая его любимая сестренка Соня совсем маленькой умерла от оспы, вспыхнувшей в уезде. Конечно, прививок ни у кого не было, поэтому выкосило людей прилично болезнью. «Совершенно случайно» у Ворошиловых только одна, самая млад-

шая девочка заболела. Вся семья жила в землянке, тесно контактировала с больной Соней и никто не заразился. Народ был такой богатырский, отборный? Некоторым может показаться, что высокая детская смертность в Империи вела к тому, что выживали только самые стойкие, некоторые видят в этом даже плюсы. Ерунда всё это. Нищета и работа, надрывная, гробили здоровье народа, люди были больными, слабыми, уже взрослыми от обычной простуды и ангины (как мой прапрадед) в гроб сходили.

Просто оспа многих крестьян стороной обходила. Прививая людям коровью оспу, не опасную для человека, врачи еще в XVIII веке стали бороться с этой инфекцией. Мария Васильевна и Ефрем Андреевич из крестьян, предпоследний ребенок в семье, Клим, к моменту вспышки оспы пастушком работал, т.е. почти вся семья уже контактировала с коровами. Что там с эпизоотической обстановкой, с инфекционными болезнями животных было в России, можно только догадываться, если даже людей от особо опасных инфекций не прививали. Гарантировано, на коровью оспу ветеринары даже внимания не обращали, да и ветеринаров было еще меньше, чем медиков. Поэтому крестьяне «самопрививались». Никакой сверхустойчивости организма. Обычный приобретенный иммунитет. Кто-то вообще не болел, кто-то в легкой форме, только следы в виде оспинок на лице оставались. Соня Ворошилова была очень маленькой, поэтому не успела от больной коровы заразиться, иммунитет получить.

Ни один врач, само собой, в землянку к Ворошиловым не заглянул. Как больной ребенок мучился, можно только представить, если с умершей Сони, когда ее хотели обмыть перед похоронами, не смогли снять рубашку— прилипла к гнойным струпиям.

И это всё происходило в одной из богатейших сельскохозяйственных и промышленных губерний России. Что творилось в кондовом Нечерноземье — об этом лучше не надо, лучше зря себе нервы «славным историческим прошлым» не трепать.

Аппетитно хрустели в царстве французские булки под вальсы Шуберта.

Через полтора десятка лет «великий белый царь» нарвался на войну с Японией. Только потому нарвался, что презрительно не желал разговаривать с микадо по поводу возникших межгосударственных проблем. Умные люди будущего православного святого предупреждали: война будет. Он отвечал: «Не посмеют». Ну, японцы же совсем азиаты, как они могут посметь с европейцами воевать?! Европейцы. У него народ, как дикие варвары, в землянках живет и от оспы мрёт, но зато — западнее Уральских гор! Вот азиаты «европейцам» и устроили Цусиму.

Одно в той жизни было хорошо, как вспоминал Климент Ефремович: не было никаких проблем с детской одеждой. Ни одежды, ни проблем. Детям же даже в школу ходить не надо было, а из землянки по нужде можно и голопузым вы-

скочить на минуточку даже зимой. Так, кой каким тряпьем прикрыты, и нормально.

Нищенство. Дно! А со дна, если государству на своих самых забитых подданных наплевать, наверх не поднимаются, если очень крупно не повезет. И быть бы Клименту Ефремовичу таким же батраком, как его отец, если бы не счастливая случайность. Его старшая сестра вышла замуж за парня, который работал поначалу помощником кучера в ближайшем имении, а потом пошел работать на шахту.

Родственники и забрали мальчишку к себе. В 9 лет началась рабочая биография Климента Ефремовича. На Голубовской шахте Донбасса. И началась с работы колчеданщиком: с такими же малолетками он выбирал в отвалах угля пустую породу в ящики, сдавал ее, и по количеству набранных ящиков им начисляли зарплату. Можно только представить, как это выглядело: пацаны, мокрые (уголь из шахты мокрый) и черные, как дьяволята из преисподней, карабкались по отвалам с тяжелыми ящиками, набивали эти ящики породой, и потом, рискуя свернуть себе шею, ползли вниз, к учетчику. Работали по 12 часов с часовым перерывом на обед. Зарабатывали, естественно, совсем гроши, почти только на пропитание, но это уже хоть что-то для семьи, все-таки ребенок сам себя кормить начинал.

Хваткий Клим в возможность стать рабочим человеком сразу вцепился, как клещ. Это для него был выход, единственный шанс вырваться, подняться хоть немного с того

дна, в котором родился. Он не просто работал колчеданщи-ком, он рвал из-под себя, чтобы его заметили и дали работу хоть чуточку более квалифицированную. Карьерист. Этому пацану нужно было любым путем зацепиться, остаться на шахте, чтобы никогда не возвращаться опять в батрацкую нищету. Он со взрослыми напрашивался спускаться в забой, лез к технике, просил всё ему показать, всему учился. Мужикам мальчишка, смекалистый и старательный, нравился, они его выделяли из числа остальных. И скоро Климу стали доверять смазку машин, которые подавали на гора уголь из шахты. Он так и работал на выборке породы, просто у него уже дополнительный заработок появился.

И за это его едва не убили «конкуренты». Такие же, как он, мальчишки. Приработок очень ценился, а взрослые работу смазчика все чаще и чаще поручали Климу. И однажды, во время обеденного перерыва, у одного парнишки в группе колчеданщиков обнаружилась пропажа продуктов. Все сговорились, что вместе проверят узелки у всех. Пропавшие продукты обнаружили у Ворошилова в узелке, который он сам и отдал для этого обыска. Клим предполагал, кто ему их подложил в то время, когда он бегал с масленкой. Но тогда ничего не успел сказать в своё оправдание, на него налетели толпой и забили почти до смерти. Затаптали ногами и оставили умирать на отвале.

Очнулся мальчик через несколько дней в больнице при шахте. Так едва не закончилась биография пролетария.

Болезнь очень долго, потом опять вернулся на шахту. Опять колчеданщиком. После избиения его мучили постоянные головные боли, но выбора другого не было, так он и продолжал работать, едва не теряя от боли сознание. Десяти лет ему не было.

Этой истории вы не найдете у советских биографов Климента Ефремовича. У них его ранние годы описаны буквально в трех словах: «детство было тяжелым». Хотя уже и воспоминания Ворошиловым были написаны, но биографы из этих воспоминаний почти ничего не взяли. И это не единственный провал в их работах, позже увидим, как Ворошилову биографию «сократили».

По счастливой случайности, в детстве Клим Ворошилов остался живым, когда его за «карьеризм» едва не убили малолетки, превращенные той жизнью в зверенышей.

Но это была не единственная счастливая случайность в его детстве, которое и детством-то назвать невозможно, с ним еще более дикая, но обычная для царства хрустящих французских булок история приключилась. И опять судьба его уберегла, почти чудо спасло его от смерти...

На шахте за полтора года маленький Клим все-таки немного заработал. Из этой суммы сестра с мужем ему купили сапожки, рубашку, брюки и полотенце. Впервые у мальчишки появились сапожки. Настоящие! Он ими гордился страшно. И полотенце!

Вот эти сапожки едва причиной его гибели и не стали.

К этому времени отцу удалось опять устроиться в имении пастухом, мать снова кухаркой там же работала, семья начала концы с концами сводить, и решили они сына забрать к себе, кто-то им пообещал обучить его грамоте, научить «Псалтырь» читать. Бедным людям казалось, что если сын научится читать «Псалтырь», то он уже грамотным будет. Представляете, насколько темный народ? Уровень средневековья.

Мать пришла на шахту и забрала мальчишку с собой. Дело было зимой. Ну, сотню верст пешком по морозцу пробежаться – это для здоровья полезно. Только их в пути метель застала. Одежда на «путешественниках» была такая ветхая да дранная, что они, как только ветер поднялся, сразу и начали замерзать, уже почти заснули на дороге, когда мимо проезжала одинокая крестьянская подвода. Марья Васильевна едва упросила крестьянина взять их на сани. У того самого уже лошадь едва тянула... Чудом спаслись.

Но это обыденный случай. Добрались до дома. Вскоре Ефрема Андреевича навестил его родной брат Спиридон, довольно зажиточный крестьянин. Клим ему очень понравился, особенно сапожки приглянулись. Он упросил брата отпустить мальчишку к нему погостить.

Вместо погостить – Клим угодил к родному дядьке в батраки. В самое суровое батрачество, мальчишку откровенно эксплуатировали. Он делал всю крестьянскую работу, которая только была. За бесплатно! И от него еще требовали благодарности! Ведь кормили же!

Но дядьке покоя одна вещь не давала. Сапожки Клим. И как-то, придравшись по пустяку – мальчишка нечаянно наступил на свежую, незасохшую глину, которой обмазывали пол тока для обмолота зерна, дядька Спиридон попытался запороть его вилами. Выручила ловкость Клим, увернулся и убежал. Но сапожки у него отобрали...

Такие были нравы «православные». Спиридон Андреевич Ворошилов прилежным прихожанином был. Потому как он был кулаком. По другому кулаку нельзя. Мальца, племянника родного, за обувку вилами приколоть можно, а вот не перекрестить хлебало за столом – нельзя.

Марья Васильевна весной сына у дядьки забрала, батрачество Клим на родственников закончилось. Тем временем семья вернулась в родные места, в деревню Васильевку, отец трудился в помещичьем имении, мать кухаркой, кормила бабтраков. Клим сразу тоже стал работать, теперь погонщиком волов.

А в селе открыли школу. И осенью 13-летний Клим пошел в первый класс. Пока строилась летом изба под школу, мальчишка мечтал, как он будет сидеть за партой, зубрить уроки... Он уже понимал, что грамота край как в жизни нужна, уже стремился к ней.

И едва всё для него не закончилось умением просто читать и писать. Обычным, так сказать, образованием. Потому что первым учителем стал учитель профессиональный – редкий болван. Этот господин стремился изо всех сил дать уче-

никам знания, предметы знал прекрасно, уроки вел с увлечением. Только он в своем увлечении вообще забывал о тех, кого он знаниями нагружать старался. Все ученики для него были на одни лицо, индивидуальным подходом профессионал не грешил. Поэтому вскоре детвора интерес к учебе утратила, на уроках начала безобразничать и шуметь. Этот деятель всех шалунов записывал, что бы потом их наказать коллективно. А так как гуманистические взгляды ему не позволяли собственноручно драть розгами мальчишеские задницы, то он придумал, что ребятня должна экзекуции устраивать друг другу сама. Делал это, например, таким способом: всех провинившихся выстраивал в круг посреди класса, заставлял руками брать соседей за уши, да не близстоящих, а через одного, и по команде наказанные должны были драть товарищей по несчастью за уши.

Вот у этого деятеля на ниве образования за учебный год ребятня с горем пополам научилась читать по слогам, да простейшим арифметическим действиям – прибавить и отнять. А чего – крестьянские дети – тупые же, чего от них большего требовать?! Чай – не аристократы.

Так бы и остался Клим малограмотным мужиком, но тут снова судьба ему шанс дала, а жизнь этого мальчишку научила хвататься за любую соломинку...

После окончания первого учебного года младший Ворошилов опять на лето пошел в батраки, пахал, сеял, косил. К жатве его поставили работать на молотилку с двумя взрослыми

ми мужиками. И тут он провел свою первую «революционную акцию». Хозяин платил молотильщикам оскорбительно мало. Взрослые терпели, только под нос бурчали. А вот отцовское воспитание Ворошилова сказалось. Этот, пацан совсем еще, подбил мужиков работу прекратить, пока им зарплату не поднимут. Они и забастовали. Страда, новых работников искать поздно, зерно пропадает... Приказчик хотел надавить, взял и лишил Клима вообще оплаты, чтобы других напугать.

Так этот маленький Стенька Разин камнями в доме приказчика все стёкла повышибал! Запугать не получилось. Такого нужно было давить сразу в колыбели, глядишь, и царизм устоял бы в 1917 году. Есть у меня такое подозрение, и основания под ним есть довольно весомые...

Осенью снова начался учебный год, и мальчишка пошел во второй класс, тут ему судьба и улыбнулась. Вместо старого профессионального долдона в школу пришел преподавать бывший моряк, списанный с флота по здоровью, Семен Мартынович Рыжов. Вот ему уже были интересны сами ученики, а не методика преподавания предмета, он старался к каждому найти индивидуальный подход, выявить способности и их развить.

И ребяташки начали учиться с увлечением и делать успехи. Ворошилов оказался на голову всех выше, он прогрессировал настолько быстро, что Рыжов только удивлялся.

Сам Семен Мартынович вспоминал: «Смуглый, корена-

стый, с большими, умными глазами, вихрастый, он резко выделялся своей смышленостью, детской непринужденностью, наивной прямоотой и независимостью характера, удивительной для его возраста. Он был очень правдив, никогда не запырался в проказах, не перелагал вину на товарищей, не лгал и не подхалимствовал перед своими более счастливыми товарищами... Это был живой, общительный и очень толковый мальчик, всегда жизнерадостный, несмотря на свою бедность, хороший товарищ и ученик».

Только и это еще не всё. Взрослый семейный человек, отец двух детей, подружился со своим... учеником. Почти ровесником его детей. Рыжов и Ворошилов дружили до 1916 года, начиная с этого ученичества младшего по возрасту. Дружили, пока не разошлись в политических взглядах, отношения почти прервали. И старшим в этой дружбе был всегда – младший по возрасту.

За год Клим перечитал не только все книги в школьной библиотеке, которая стараниями Рыжова была довольно внушительной, но и всё, что было в доме у учителя и других грамотных людей села. Художественную литературу, учебники, публицистику, любые книги по любым отраслям науки и знаний – он за год всё проглотил.

Через год он будет работать на заводе и объяснять заводским электрикам закон Ома, рассказывать о Фарадее...

Вот скажите, окончив два класса школы, Климент Ефремович какое образование получил? В объеме двух классов,

как все «исследователи» его жизни считают? В каком классе даже современной школы ученики электромагнетизм изучают?

«Историки» с легкостью навешивают ярлыки на деятелей Советского государства – малообразованные. Малообразованный слесарь у них создавал армию, малообразованный разнорабочий руководил строительством московского метро. Малообразованный семинарист вообще во главе государства стоял... Понятно, что они просто обливают грязью людей, составляющих гордость нашей Родины, сами они сообщают, что там было образование такое, что им, этим «историкам», получить его невозможно, у них слишком неразвит мозг, чтобы стать по-настоящему образованными. Вот зависть и глохнет, да еще нужно выполнять политический заказ. Но сообщать они сообщают, хотя бы потому, что никто из них не вякнул о том, что и главный автогигант США был создан «малообразованным» Генри Фордом, который школу в 15 лет бросил и нигде больше не получал «систематическое образование», которым любят гордиться эти «ученые». Вот они получили «систематическое образование» – и толку? Единственное их достижение – умение сосать титку у власти, как плату за «исторические исследования», которые у всё большего и большего числа людей вызывают крайнее отвращение.

Но еще большее удивление у меня вызывает наша педагогическая наука. Имея перед глазами многочисленные фено-

мены, когда почти не учившиеся в школах и университетах люди становились во главе государства, успешно руководили целыми отраслями хозяйства, добивались в своей деятельности выдающихся результатов, педагогическая наука просто отказывается видеть эти феномены, вообще их не изучает. Это наука? Или что-то совершенно другое?

Ведь именно на примере таких людей, как Климент Ефремович Ворошилов, можно изучать и исследовать, а потом внедрять в систему образования методы воспитания и обучения!

Есть феномен Ворошилова (и Ленина, и Сталина, и целой когорты наших прославленных полководцев, кстати...)? Есть, конечно. Если признать очевидное: что он был одним из образованнейших людей своего времени (да и нашего тоже). Конечно, можно просто, как попугаю, повторять, что Сталин доверил самое важное для молодого государства, находящегося в окружении врагов – создание армии – малообразованному тупице, потому что Ворошилов умел приятные слова говорить Вождю и верным псом сатрапа был... Вот до этого же надо просто додуматься: вопрос своей собственной безопасности (а гарантировать безопасность тому же Сталину могла только сильная армия, его бы первого шлепнули победившие оккупанты) доверить необразованному тупице!

Да что там Ворошилов! Если уж по справедливости, то и всё «систематическое образование» Владимира Ильича Ленина ограничивается гимназией. Разница между Лениным и

Ворошиловым только в том, что Ленин диплом о наличии высшего образования имел, а Климент Ефремович такой корочкой похвастаться не мог. Ленин же в университете практически не учился! Его вышибли оттуда на первом курсе! А диплом он получил, подготовившись за год самостоятельно (самостоятельно!) за весь курс юридического факультета и успешно сдав все экзамены этого курса экстерном.

Ленин – тоже малообразованный, если к нему лепить понятие «систематического образования». Гимназист.

А педагогическая наука этого видеть не желает потому, что ей придётся все свои «достижения» выбросить на помойку и признать, что она человечеству нанесла колоссальный вред, превратив значительное число людей из людей в дрессированных обезьян.

Каким образом за два года школы (даже за один год, фактически) Ворошилову удалось получить образование почти в объеме средней школы, хорошо, пусть в объеме неполной средней школы? Он вундеркиндом был? Нет. Просто, во-первых, у парня была мотивация к получению образования и, во-вторых, самое главное – развитое абстрактное мышление, именно то мышление, которое отличает человека, как биологический вид, от животных.

Абстрактное мышление – это не нечто абстрактное, это необходимейшая, жизненно важная вещь для существования человека как человека, а не в качестве хорошо отдрессированного «специалиста», получившего в учебном заведе-

нии «багаж» знаний.

Вещь простая, именуемая в просторечии воображением. Способность представить в своем мозгу желаемый для тебя результат твоих действий и найти путь, способы действий, которые приведут к желаемому результату. Не искать чертежи табурета в справочниках, если тебе седалище под задницу понадобится, а представить в своем мозгу, какой именно предмет мебели тебе нужен, что для его производства необходимо, где это взять, как для него сделать составные части, как их соединить между собой и каким инструментом это делать.

А развить воображение у ребенка можно, только если ребенок будет заниматься какой-либо практической деятельностью, пусть и игровой, которая требует от него постоянной находчивости и изобретательности, способности решать новые для него задачи.

Вот Климас судьба и вела с детства по такой дороге, что ему постоянно приходилось «крутиться»: то он пастухом работал, то на шахте, то батрачил, занимаясь всем, чем только может заниматься крестьянин, вид деятельности у него постоянно менялся, постоянно приходилось мальчишке решать всё новые и новые задачи в процессе жизни.

Сама жизнь и развила у него абстрактное мышление, ум, в такой степени, что мозг мальчишки просто как губка потом вбирал в себя знания. Если человек способен в своем мозгу, как картинку, увидеть действие закон Архимеда после

прочтения параграфа в учебнике, то зачем ему нужен господин учитель, который у доски будет целый час рассказывать и показывать, как жидкость выливается из наполненного до краев корыта, если туда кирпич бросить?

Конечно, не собственно труд развивает воображение у ребенка, а именно разнообразный труд. Если бы Климу пришлось работать только пастухом все годы до школы, то он на этой довольно несложной работе за несколько лет отупел бы и ничем от остальных детей не отличался. Судьба, хоть и тяжелая, его уберегла от этого.

Вове Ульянову повезло с родителями, отец его был педагогом от бога, да и мать – очень умной женщиной, там воспитанием детей занимались целенаправленно и творчески, делали из них людей. Найдите попробуйте сегодня в педагогической науке исследования методов воспитания в семье Ульяновых. Это педагогов вообще не интересует.

Природа с момента рождения человеческого детёныша начинает формировать из него человека, ребенок, едва научившись ползать, уже начинает свои «вандальские» эксперименты с игрушками, попадет в руки карандаш – на обоях результаты творчества появляются... Как только попадает малыш в песочницу – начинается процесс постройки замков, дети бегают по дворам, изображая из себя партизан, как раньше, или бэтманов, как сегодня...

Педагогов это не устраивает категорически. Они жаждут процесс превращения ребенка из спинального животного в

человека прервать как можно раньше и начать его дрессировать, т.е. загружать в него знания.

Они хотят посадить его за парту как можно раньше и начать впихивать в головки с еще неразвитым абстрактным мышлением знания. Им и этого мало, они еще этот процесс выстраивают так, чтобы у ребенка и возможности, времени не было для того, чтобы развить себе воображение. Сразу объем знаний ему такой навязывают, что пацану даже некогда выскочить на улицу побегать со сверстниками. Уроки и домашние задания занимают весь световой день у малыша. Прогресс – орут! Объем знаний нужен всё больший и больший! С 7-ми лет в школу уже поздно! Нужно с 6-ти! А лучше – с 5-ти!

Родители-идиоты вообще с двух лет ребенка учат читать-писать, к трем годам он у них высшую математику знает, а к 5-ти на трех языках лопочет! Вундеркинд!

И что толку? Хотя от одного вундеркинда был какой-то толк (Моцарт, кстати, не вундеркинд, там именно развитое воображение)? Феномен вундеркиндов в том и заключается, что они становятся самыми серыми личностями.

Мозг ребенка дрессировке сопротивляется отчаянно, природа не хочет превращения человека в обезьяну, знания дети не усваивают. Тогда педагогическая наука в бешенстве начинает изобретать все новые и новые способы впихивания информации в детские головки. Даже применяют игровые методы... Это какой-то тотальный террор против челове-

ства.

Школу Климу закончить не довелось, отец снова лишился места, и семья в который уже раз ухнула в нищету. Пятнадцатилетнему парню, второкласснику, пришлось искать работу. Неподалеку от родного села, в городке Алчевске, как раз развернулось строительство завода Донецко-Юрьевского металлургического общества (ДЮМО), мальчишка пошел туда наниматься...

Глава 2

Никита Сергеевич продолжал с трибуны гневную речь: «Сговорившись на своих тайных сборищах, фракционеры потребовали внеочередного заседания Президиума. Они рассчитывали осуществить свои антипартийные замыслы, захватить руководство партией и страной». Первый маршал усмехнулся в седые усы. «Захватить руководство партией и страной». Никита сам не понимал, что признавался в государственном перевороте. Вся «антипартийная группа» – это и было руководство страны. Ее член Н.А.Булганин – председатель Совета Министров, остальные – первые заместители и заместители. А сам Первый маршал – глава государства, Председатель Президиума Верховного Совета.

«На Пленуме с признанием своих ошибок выступил товарищ Ворошилов, который заявил, что его «попутали фракционеры» и что он полностью осознает свои ошибки и решительно осуждает их, как и всю подрывную деятельность антипартийной группы» – Хрущев даже не посмотрел в сторону Первого маршала, когда озвучил эту наглую ложь.

Грамотному парню уже было легче устроиться на работу.

Вторая попытка Климана стать рабочим началась с должности курьера-рассыльного при конторе завода. Верхом на лошади развозил почту и бумаги. Травма, полученная в детстве, когда работал на шахте колчеданщиком, сказывалась. Верхом трястись на коне было очень тяжело, временами терял сознание. И рвался в заводские цеха, ближе к технике, к технике его тянуло всю жизнь. Вскоре получилось перейти в литейный цех, начал с помощника машиниста на водокачке, потом слесарем. Уже через год стал крановщиком в литейном цехе, это уже была элита рабочего класса, высшая квалификация. Его товарищи по цеху потом вспоминали, что «карьеру» Климан делал стремительно. Заводское руководство только удивлялось его способности осваивать новейшие по тому времени машины.

За какой-то год из рассыльного при конторе вырасти до машиниста крана в литейном цеху, до высшей квалификации в металлургической промышленности! А рабочие-металлисты в те времена – это элита рабочего класса, самая квалифицированная его часть, значит, у Климана была не просто тяга к технике, а заметные технические способности? Правильно?

Более того, он с техникой сталкивался и ее знал намного лучше, чем любой другой советский военачальник. Человек с юности дело с ней имел. После нашей Перестройки появилась мода рисовать Климан Ефремовича недалеким в технических вопросах человеком. Ему чаще всего противополо-

ставляется образованный Михаил Тухачевский. Тот в технике был асом, как это описывают. Ратовал за механизацию в противовес лошадиникам Ворошилову и Буденному.

На самом деле всё обстоит немного не так. Если Ворошилов технический ВУЗ не заканчивал, то Тухачевский вообще не имел никакого технического образования. Даже элементарного. Он закончил юнкерское училище. Даже не артиллерийское. Пехота. Самый сложный механизм, о котором ему преподавали – пулемет. Это не машины и станки в литейном цеху. Штука не сложная. Сравнить техническое образование Тухачевского и Ворошилова не имеет смысла. Нуль сравнивать ни с чем невозможно. И Тухачевский свою техническую некомпетентность демонстрировал ярко, выпукло. Самый показательный пример – его идея массово вооружить Красную Армию безоткатными орудиями. На танки их собирався ставить! Наш выдающийся конструктор артиллерийских систем В.Г. Грабин в своих мемуарах описал, как он попытался объяснить Михаилу Александровичу несостоятельность идеи безоткатных орудий. Как о стену горохом. Тот его просто не понял.

С Климентом Ефремовичем у Грабина отношения складывались совершенно иначе. Характерен такой эпизод, приведенный Василием Гавриловичем в книге «Оружие победы»: в конце 1941 года им был впервые в истории внедрен на заводе, производящем артиллерийские орудия, поточный метод с конвейерной сборкой. В декабре это показали посе-

тившему предприятие Ворошилову. «Целый день мы с ним ходили по цехам, не успели даже пообедать. Клименту Ефремовичу очень нравилось все, что он видел.

– Это вы здорово сделали, молодцы! – похваливал он».

Больше того, Грабин показал новое производство и нарком вооружений Дмитрию Устинову.

И здесь случилось неожиданное: конструктора вызвали в Кремль на заседание Государственного Комитета Обороны и Сталин его обвинил в намерении сорвать производство пушек: «Вся наша работа подверглась очень острой и несправедливой критике, а меня Сталин обвинил в том, что я оставляю страну без пушек. Я отстаивал позиции нашего коллектива до последнего.

Атмосферу этого заседания может вполне характеризовать лишь один эпизод. В очередной раз, когда я пытался возразить Сталину и защитить правильность выбранной нами позиции, обычная выдержка и хладнокровие изменили ему. Он схватил за спинку стул и грохнул ножками об пол. В его голосе были раздражение и гнев.

– У вас конструкторский зуд, вы все хотите менять и менять! – резко бросил он мне. – Работайте, как работали раньше!

Таким Сталина я никогда не видел – ни прежде, ни позже.

ГКО постановил: нашему заводу изготавливать пушки по-старому».

Претензии к Грабину были понятны. Шла война, пушки

были необходимы не завтра, а прямо сейчас, любое же изменение технологии ведет к необходимости перестройки производственного цикла и к временному если не прекращению выпуска продукции, то к его снижению. Во время войны, тем более в ситуации конца 1941 года – это преступление. Но дело в том, что новшество Грабина позволяло, не снижая выпуска продукции, перейти к его наращиванию. И это сразу понял Климент Ефремович. Но не понял Устинов, которого пока никто в технической безграмотности не обвинял, он же имел инженерное образование и даже работал инженером-конструктором, заместителем главного конструктора завода «Большевик», затем директором этого завода. И на заседании Государственного Совета Оборона Устинов не просто отмолчался, скорее всего, претензии Сталина к Грабину и были высказаны после доклада Устинова.

Но через несколько дней Иосиф Виссарионович сам позвонил конструктору: «То, что вы сделали, сразу не понять и по достоинству не оценить. Больше того, поймут ли вас в ближайшее время? Ведь то, что вы сделали, это революция в технике. ЦК, ГКО и я высоко ценим ваши достижения, – продолжал Сталин. – Спокойно заканчивайте начатое дело».

Василий Гаврилович искал причину такого изменения отношения к своему изобретению, и предположил следующее: «Ночью, после грозного заседания ГКО, Сталин, по-видимому, созвонился или встретился с Ворошиловым, и тот рассказал ему о наших делах, обо всем, что видел собственны-

ми глазами. Но к этой мысли я пришел лишь впоследствии, сопоставив события».

Т.е. у выдающегося конструктора артиллерийских систем В.Г. Грабина даже малейших сомнений в технической компетентности Климента Ефремовича не возникало, более того, он его компетентность ставил даже выше, чем Д.Ф. Устинова. Вероятно, Ворошилов замысел конструктора понял и оценил, а Устинову это было не по плечу.

Давайте, забежав вперед, вспомним, что было в официальной биографии Климента Ефремовича к декабрю 1941 года. Весь советский народ знал из книг и кинофильмов, что Ворошилов был снят с позором с Ленинградского фронта и авторитет его у Сталина упал ниже плинтуса. Практически любые другие упоминания о Ворошилове, как о члене Ставки ВГК и члене ГКО исчезли. Современные «сталинисты» еще добавили умолчания о роли Климента Ефремовича в вопросах вооружения армии, свалив весь этот воз на Сталина.

И теперь оценим приведенную выше цитату из Грабина. Слышите, как начинает звучать довольно пронзительно звончек по всем мухинско-прудниковским-брезкуновским писаниям о том, что Иосиф Виссарионович делал всё сам и только один Берия ему помогал?

Оказывается, один из самых наших известных конструкторов вооружений даже тени сомнения не допускал, что мнения Климента Ефремовича достаточно, чтобы изменить уже состоявшееся решение Государственного Комитета оборо-

ны. И потом сам Сталин мог позвонить и извиниться перед конструктором, что не смог понять его идею.

Более того, снятый за «неумение командовать войсками» Ворошилов, в декабре 1941 года в глазах Грабина обладал достаточным авторитетом у Сталина, чтобы предполагать, что он может влиять на принятие довольно важных решений.

У современных исследователей сталинского периода истории уже считается хорошим тоном упомянуть об удивительной осведомленности Иосифа Виссарионовича в вопросах вооружения, особенно авиации, но вот к мысли о том, что Вождя мог консультировать по этим вопросам нарком обороны Ворошилов, никто пока не пришел. Старательно, тщательно вычищена идеологами ЦК КПСС послереволюционная биография Первого маршала. Остались только крохи, как в мемуарах В.Г. Грабина.

В самой биографии Ворошилова мы будем находить еще массу неожиданных и удивительных фактов. Роман Гуль, белый эмигрант, сочинил книгу «Красные маршалы», там он дал такую характеристику Клименту Ефремовичу: «Ни интеллигентности, ни наследственной культуры у Ворошилова нет. Рабочие Луганска рассказывают, что в подпольной работе, которую вел среди них в 900-х годах этот отчаянный машинист крана, у Ворошилова на все была только одна поговорка: «Черт возьми, что мы будем смотреть!».

Что под интеллигентностью подразумевал Р. Гуль, понять очень сложно, если учитывать биографию Климента Ефре-

мовича. Может быть, дворянину-эмигранту интеллигентностью представлялась привычка свысока смотреть на быдло, не имеющее «наследственной культуры», но согласитесь, что учителя, даже учителя в царской России, были людьми вполне интеллигентными и культурными. И вряд ли они в своем обществе стали бы терпеть невоспитанного и необразованного хама. Тем более, не просто в обществе на посиделках с наливочкой за чтением Чехова и Толстого, а в официально зарегистрированном властями обществе. В которое далеко не каждый мог вступить. Называлось оно «Общество учащихся и учивших», имело свой Устав и Правление. Таких организаций было в России тогда довольно много, даже Общества приказчиков были. Деятельность их была весьма обширная, от материальной взаимопомощи до культурно-просветительской работы.

Так вот, семнадцатилетнего Клина официально приняли в уездное учительское общество. И как вы представляете членство в нем парня, имевшего образование всего лишь в пределах двух классов начальной школы? Разумеется, такой член там был абсолютно не нужен. Один позор от такого. Но те учителя были несколько умнее историков, которые приписывают Ворошилову образованность в пределах 2-х классов школы. Под образованием по-настоящему образованные люди понимают несколько другое. Например, Климент Ефремович вспоминал, что он за два года работы на заводе прочел почти всего Гоголя, Льва Толстого, Тургенева, Гончаро-

ва, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Шевченко, Данилевского, Горького, Чехова, Сенкевича, Пруса, Диккенса, Бальзака, Байрона. Уже был знаком с учением Дарвина, читал книги по популярной астрономии, электромагнетизму, механике...

Извините, но такой багаж знаний, полученный из прочитанных книг, никак не тянет на начальное образование, с таким багажом Климент Ефремович вполне мог и сам преподавать в школе хотя бы словесность. Поэтому он в учительском обществе ротозеем-второкласником не выглядел, более того, он там еще и верховодил, лидером был. И не просто в спорах на литературные темы – Климент Ефремович организовывал работу по оказанию материальной помощи нуждающимся преподавателям.

При заводе ДЮМО рабочие-энтузиасты создали театральный кружок, очень скоро руководить им стал Ворошилов, спектакли кружка стали настолько популярны, что даже билеты на них продавали. А купить билет на спектакль для бедного рабочего человека – это не просто, это показатель того, что там не какой-то балаган был, а вполне серьезные вещи ставили. Да, может быть не МХАТ, но трудовую копейку рабочий человек легко на зрелище не отдаст.

Сборы были вполне серьезными, о чем свидетельствует такое благодарственное письмо, которое получил руководитель кружка:

«Господину Клименту Ефремовичу Ворошилову. Правле-

ние общества учащихся и учивших выражает Вам, милостивый государь, свою глубокую благодарность за горячее содействие в устройстве спектакля в Юрьевском заводе и активное в нем участие. Спектакль дал сто рублей шестьдесят восемь копеек чистого сбора, который и пойдет на пособие учителям, впавшим в крайнюю нужду. Председатель Е. Радаков. Секретарь С. Рыжков».

Но даже не способности к самостоятельному образованию определяли уникальность Ворошилова-революционера. Даже не то, что его биография вообще вылетала за рамки, обычные для биографий революционеров. Из таких низов, из самого дна общества никто из более-менее известных революционеров не поднимался. Где-то рядом – Лазарь Каганович, но и то, положение ремесленника-частника, отца Лазаря Моисеевича, и безземельного батрака Ворошилова сравнивать и близко нельзя.

Удивительно то, что простой рабочий самостоятельно нашел путь к марксизму и самостоятельно создал рабочий социал-демократический кружок. Один из первых в России. В центре страны рабочее движение в те годы начинало оформляться, но до Алчевска пока даже эхо не докатывалось. Во всех промышленных центрах созданием этих кружков занималась революционная разночинная интеллигенция, даже Сталин с его почти законченным семинарским образованием к этой интеллигенции относился. В Алчевске всё произошло наоборот. Рабочий втянул в марксистскую деятельность

местную интеллигенцию. В 1898 году на завод поступил работать формовщиком ростовчанин Иван Алексеевич Галушко, был он намного старше Клима и его друзей, и имел опыт общения и знакомства в Ростове с кем-то из социал-демократов. Во время перерывов на работе и после работы, в общем бараке, он начал заводить разговоры с парнями о положении рабочего класса. Клим сразу эту самостоятельность, которая грозила тем, что их за такие беседы всех скопом вышвырнули бы из завода, прекратил, на заводе и в бараке было полицейских шпииков:

– Собираться будем в школе, после репетиций. И места больше, и другим тоже интересно будет послушать.

Галушко высказал опасение насчет учителей, можно ли им доверять. Ворошилов заверил:

– Народ надежный, не сомневайся.

Знаете, я вот могу понять, почему вся заводская молодежь смотрела в рот Ворошилову. Всё-таки, в среде едва умеющих читать и писать парней, персонаж, который прочел всего Гоголя, Достоевского, Диккенса, рассуждающий об учении Дарвина, пересказывающий книгу Реклю «Земля», заводским электрикам объясняющий закон Ома – это предельный авторитет. А если он еще и не просто сверстник, но и почти самый молодой! Да еще и не из господского сословия, а такой же работяга! Под гармошку вместе со всеми песни орет по праздникам, да за себя постоять может...

Это вам не вундеркинд-очкарик, это вожак. Стеньке Ра-

зину до него далековато по авторитетности. Недаром полиция так зорко присматривала за молодым Климом.

Ладно, это понятно. Но у меня в голове не вмещается другое: он же еще и учительским обществом вертел, как хотел! Он и там верховодил! Там-то люди для того времени были очень образованные!

А самое главное, лет всего Климу было – СЕМНАДЦАТЬ! Два класса образования школьного и семнадцать лет!

Конечно, театр самодеятельный, которым Ворошилов руководил, позволял хоть небольшие копейки, но давать учителям для поддержания штанов, но одно дело копейки, а другое дело вовлечение в нелегальную деятельность. С использованием служебного помещения школы.

Учителя безропотно его условия приняли, и школа стала центром подпольной деятельности рабочих, которая скоро оформилась как социал-демократическая. Как-то у знакомых учителей Клим увидел журналы «Русское богатство» и «Русская мысль», в них он прочел первые статьи о Марксе и наткнулся на упоминание о «Манифесте коммунистической партии», сразу нашел Галушко:

– Иван Алексеевич, дуёй в Ростов, ищи там своих старых друзей и, кровь из носа, достань мне «Манифест...» Маркса.

Галушко книжку привез. Клим ее проштудировал и уж тут началась его настоящая социал-демократическая революционная деятельность. На собраниях в школе он стал читать «Манифест коммунистической партии» своей группе, объ-

яснял трудные места, приводя примеры из заводской жизни в качестве иллюстраций. Заразил марксизмом сначала заводскую молодежь, а потом стал поручать ребятам беседы со старшими рабочими. И подбил заводчан на первую в истории завода забастовку. Сам ее организовал, еще сам и начал. И администрация завода ничего сделать не смогла, выполнила условия рабочих.

И еще раз осознайте: Клименту Ефремовичу было всего СЕМНАДЦАТЬ лет на тот момент!

Но что характеризует Ворошилова как... Я даже нужных слов не могу подобрать. Понимаете, он сам вообще ничего особенного в своей биографии не видел. Больше того, он всегда вспоминал и рассказывал о своих товарищах, какие они были все умные, самоотверженные, настоящие борцы, а он так... участие принимал. И даже не это главное. Хотя личная скромность настолько запредельная, что она реальный вред нанесла и самому Клименту Ефремовичу, и делу, которым он занимался. Не лишне бывает иногда некоторым выскочкам напомнить, какие и у кого заслуги...

Книгу своих воспоминаний Климент Ефремович писал уже в последние годы жизни, когда и свидетелей событий, о которых он рассказывал, в живых почти никого не было. Ну, можно было хоть немного свою роль приукрасить! Даже в некоторых случаях и не приукрасить, но написать так, чтобы потом никто не спекулировал, трактуя всё с позиций собственного уровня подлости. Например, кто мог его ули-

читать в неточности изложения истории о том, как его мальчишки-колчеданщики обвинили в краже продуктов? И кто мог подтвердить, что он эти продукты не крал? Это еще хорошо, что книга Климент Ефремовича «Рассказы о жизни» была издана в СССР один раз, больше не переиздавалась, и я даже ссылки историков на нее не встречал. Она затерялась. А так бы спекуляции были на тему: Клим воровал с детства.

Ведь легко можно было историю ту автору подкорректировать. Не стал. Это не просто честность. Это честность, возведенная в абсолют. В среде обычных людей она выглядит почти патологией. И это объясняет многое в популярности Климент Ефремовича среди народа, почему за ним люди шли на дела, часто связанные со смертельным риском, без оглядки, полностью доверяя вожаку. Они знали – он не только в большом деле, но даже в самых пустяжных мелочах не обманет. Думаю, что честность для революционера – первейшее качество.

И о первой своей забастовочной акции Ворошилов написал предельно честно. Мог изобразить дело так, что он, прежде всего, думал об интересах товарищей по литейному цеху, свои интересы его не волновали. Кто бы смог проверить? Но он рассказал, что главное, из-за чего решился на протест – была боязнь за себя. В литейном цеху вентиляция отсутствовала напрочь, на ней хозяева завода экономили, задымленность была страшная. А крановщики работали под потолком цеха, дым и ядовитые испарения вверх поднима-

лись, там было особенно тяжело. Клим не переставали мучить головные боли, он боялся, что может во время работы потерять сознание, совершит аварию и его уволят. Да, конечно, другие крановщики тоже не особо радовались загазованной атмосфере, поэтому Клима поддержали. Для завода ДЮМО такая акция была внове, с забастовками его хозяева и администрация еще не сталкивались. И расправились с Климом жестко. Он и так уже был под наблюдением полиции, она и обыски проводила у него на съемной квартире, и арестовывался он. Арестовывался без каких-либо объяснений, приставу не нравилось, что вокруг парня народ кучкуется – и вся причина ареста. Предъявить ему ничего не могли, в социал-демократическом кружке Ворошилова меры конспирации соблюдались неукоснительно.

Вентиляцию в литейном цехе хозяева завода установили, но Ворошилова без объяснения причин уволили. Еще и увольнение пришлось на время начала экономического кризиса 1900-1903 годов. Начался, пожалуй, самый трудный и мрачный период жизни в биографии Первого маршала. Годы скитаний по Донбассу и югу России без работы, без средств к существованию.

Сам Климент Ефремович первый период свой революционной деятельности, кружковский период на заводе ДЮМО, оценивал очень скромно. А вот власти увидели в ней опасность нешуточную. Клим до 1903 обошел почти все города юга России, нигде не мог устроиться на работу. На более-ме-

нее крупных предприятий ему отказывали сразу, на мелких ему удавалось проработать буквально несколько дней, потом увольняли. В Таганроге его взял на работу бельгиец, хозяин слесарной мастерской. Старательный и работающий мастеровитый парень ему очень нравился. Но и там удалось проработать меньше месяца, бельгиец сказал Ворошилову, что полиция ему настоятельно рекомендовала его уволить. Уже в 30-е годы, ознакомившись с архивными материалами жандармского управления, Климент Ефремович узнал, что ориентировка на него, как на опасного смутьяна, была направлена и поставлена на контроль из Петербурга.

Почти четыре года бродяжничества в полном смысле этого слова. Постоянный голод. Поиск ночлега, часто приходилось спать под открытым небом, скирда сена в качестве постели – счастье. Выручали немного многочисленные друзья, но среди друзей богатых не наблюдалось, сами все отчаянно нуждались. В то время вторая сестра Климента Ефремовича вышла тоже замуж, теперь обе сестры жили своими семьями, мать осталась одна, отец в очередной раз ушел из дома в поисках работы. Мария Васильевна бралась за любую работу, едва-едва могла сама себя прокормить. Вконец отчаявшийся Клим решил хотя какое-то время пожить у матери, сил у парня скитаться и голодать уже не было. Ему было стыдно садиться на материнскую шею, но он был на грани отчаяния. У дома матери Клим выследил агент полиции и почти убил. Напал сзади, оглушил ударом палки по голове и

почти насмерть забил. Бил, пока ему не показалось, что Ворошилов мертв. Подобрали парня прохожие. Поднялся после избиения с постели Клим через полтора месяца, выжил только благодаря сильному от природы организму. По всей видимости, агент доложил в полицию, что Ворошилов убит, полицейский надзор за ним был снят.

К.Е. Ворошилов – луганский рабочий (1906 г.)

После выздоровления Клименту Ефремовичу удалось с помощью учителя Рыжкова устроиться в Луганске на паровозостроительный завод Гартмана в литейный цех сначала подручным машиниста-крановщика, вскоре он уже стал на

кране работать самостоятельно. Крановщик в литейном цехе – это не много не то, что крановщик в порту или на стройке. Там работа намного сложнее, это разлив чугуна в формы, работа очень сложная, высшая квалификация в металлургии того времени. Ворошилов с ней справлялся отлично, авторитет его среди рабочих завода был очень высок. И приближался 1905 год.

Глава 3

Не обошел вниманием в своем докладе Никита Сергеевич и Георгия Жукова. Грозно заклеил бонапартизм незадачливого маршала. Климент Ефремович вспомнил, каким ошарашенным выглядел Жуков на Пленуме ЦК КПСС, специально собранным для расправы с «бонапартизмом». Георгий Константинович так и не понял, за что ЦК, верным псом большинства которого он был, так безжалостно и несправедливо с ним обошелся. А может быть, уже и понял: заказчику убийства наемный убийца не нужен. После исполнения заказа наемник становится опасным. Будет либо шантажировать, либо исполнит заказ другого или самостоятельно... Не стоило бы Георгию Константиновичу идти на поводу заговорщиков, теперь висит на его совести и Лаврентий Павлович, и с «антипартийной группой» расправиться он очень сильно помог. Будет выкинутым в отставку, сидя в пустой даче (краденное трофейное имущество ему так и не вернули) размышлять до конца жизни о своем предательстве Главнокомандующего. Променил свою славу на барахло.

Первый маршал был готов многое услышать на съезде. Но то, что почти в самом конце своего докла-

да ляпнул Никита, почти оглушило: «Во всех делах партии рядом с ней идут массовые организации трудящихся – Советы, профсоюзы, комсомол, кооперация». Видно было, как в ложе китайской делегации со своего места едва не вскочил Чжоу Эньлай. Это была настоящая сенсация – объявление о ликвидации Советской власти в СССР. Теперь Советы перестали быть органом диктатуры пролетариата, перестали быть органами власти, стали общественной организацией, как кооперация. Мечта Зиновьева о диктатуре партии воплотилась в жизнь. 17 октября 1961 года с трибуны XXII съезда КПСС Н.С. Хрущев объявил о ликвидации Советского Союза...

Меня не покидает чувство, что последнему русскому царю безумно повезло в 1905 году. Еще 12 лет он изображал из себя хозяина земли русской только потому, что Клим не успел перебраться в Петербург или Москву. В Центре первая русская революция потерпела поражение из-за того, что там, рядом с Лениным, не оказалось у рабочих вожака уровня Ворошилова. Версия, конечно, почти фантастическая. Вводить фантастику в историю – дело глупое. Фантастов в этой области и без меня хватает. Но вот чувство не покидает. Никак не покидает. А в феврале 1917 года Климент Ефремович оказался в нужное время в нужном месте...

Я в этой книге часто буду тыкать мордами «советских ис-

ториков» и их нынешних, достойных по уровню подлости, наследников в ту помойку, в которую они превратили свою науку. В каждой главе это по несколько раз будет звучать. И выражения выбирать не буду. Ладно, из биографии молодого Ворошилова сделали что-то невнятно-нудное. Бог с ним. Но как можно было проскакать мимо того факта, что в 1905 году революция победила в одном из крупных промышленных городов?

Что стояло у истоков гапоновщины – уже толком понять нельзя. То ли жандармская провокация, то ли попытка увести растущее рабочее движение в болото верноподданничества, не суть это важно. Важно то, что логическим завершением цикла правления романовской антинародной династии было появление на монаршем троне самого жестокого и кровавого царя за всю историю России. Это Алексей Тишайший еще начинал болеть животом во время разных медных бунтов, да черни на растерзание бояр выдавал. Почти чистокровный немец Ники мягкотелостью не страдал.

9 января 1905 года он наглядно показал, что к нему на «прием» без спроса ходить не стоит. Пуля в лоб за это гарантирована.

Рабочая и крестьянская Россия после «Кровавого воскресенья» вздыбилась. Начались выступления рабочих не только в столицах. На Донбассе тоже разворачивалось забастовочное движение. 17 января – забастовала Юзовка, 22-го – Енакиево, 24-го – Горловка, 25-го – Макеевка. Полустихий-

ные выступления упирались в жесткое противодействие администрации заводов и властей. Ужесточался полицейский террор.

Луганский комитет РСДРП горячку пороть не стал. Они учли все ошибки торопыг. Подготовка к всеобщей забастовке там была организована умело, толково. Луганские товарищи дробить силы не хотели, они не побежали в азарте по всем заводам города, сосредоточились на самом крупном – «Гартмановском паровозостроительном». Коллектив этого завода должен был стать инициатором всеобщей забастовки. Сначала большевистским комитетом был составлен тщательный детальный план. По этому плану были распределены по цехам завода лучшие агитаторы и активисты, которые доложили о готовности рабочих прекратить работу одновременно во всех цехах по сигналу. В чугунолитейный цех, на решающий участок, был направлен Клим. И сразу он стал руководителем всей забастовки. Закономерно, что он после ее начала возглавил и Луганский большевистский комитет.

Всё развивалось по плану. 16 февраля завод Гартмана прекратил работу. Сразу во дворе на митинг организованно собрались все 3000 рабочих. Соорудили трибуну. На нее взобрался Ворошилов, уже известный всему коллективу как «товарищ Володька».

Володька знал рабочих людей, говорил коротко и по делу: – В Петербурге наши братья сдуру пошли у царя просить защиты от капиталистов-кровопийцев. Выпросили? Пулю в

грудь они выпросили у Николашки! Нашли к кому идти?! Наша дорога – не царской милости выпрашивать. Наша дорога – в революцию. Нам никто ничего не даст, если мы сами не возьмем. Капиталистам и царю мало нашего пота! Мало того, что мы по 12-13 часов из цехов не вылазим, на них горбатимся – они еще и наших братьев, одетых в шинели, гонят на войну с японцами. Кому эта война нужна? Нам, русским рабочим? Японским рабочим? Нет, она нужна русским и японским капиталистам! Нам колонии в Манчжурии без надобности... Что мы должны делать дальше? Мы с вами забастовку начали, теперь главное – поднять на нее остальные заводы, мастерские, поднять против помещиков наших кровных братьев-крестьян. Если поднимемся вместе, дружно, мы победим. Поодиночке нас передавят. Руководство забастовкой берет на себя наш комитет большевиков. Из вас, товарищи, будут сформированы группы, которые пойдут по другим заводам с заданием поднять на борьбу весь пролетариат Луганска... Если кто сомневается в нашем деле, сомневается в революции, то я скажу просто. Если наседка имеет в себе яйцо с зародышем, то при нормальных условиях из яйца обязательно вылупится цыпленок. Зародыш революции на лицо. Она зреет. И никто не в силах помешать нашей победе. Наша сила в сплоченности и организованности.

И луганские большевики получили сразу 3000 новых активистов и агитаторов, которые рассыпались по всему городу, пошли по заводам и мастерским, призывать к забастов-

ке. Цепная реакция. Примечательно, что 23 февраля 1917 года именно по такой схеме всё произошло в Петрограде. Забастовка ткачих вызвала такую же цепную реакцию. И совершенно «случайно» в столице оказался Климент Ефремович...

17 февраля во дворе завода опять собрался митинг. Были зачитаны требования бастующих к администрации завода. Всего 29 пунктов, кроме экономических требований, включили и пахнувшие «политикой»: свободная организация цеховых союзов, увольнение доносчиков заводской администрации, неприкосновенность забастовщиков. И, самый острый, – убрать из цехов городских и заменить их сторожами. «Булкохрустам» полезно было бы знать кое-что из истории «России, которую мы потеряли». В частности, то, что полицейские дежурили в цехах частного завода. Интересно, правда? Завод частный, а охраняет его полиция.

На митинге были избраны 56 депутатов (депутатское собрание) для ведения переговоров с администрацией. Из числа этих депутатов был составлен исполнительный комитет. Во главе исполнительного комитета – совсем молодой парень Клим Ворошилов, ему шел всего лишь 25-й год.

Смотрим, насколько четко, планомерно и последовательно действовали большевики Луганска: сначала вытеснили из заводских организаций меньшевиков и прочую оппортунистическую кодлу, которая могла внести элементы дезорганизации (в Петербурге и Москве это так и не было сделано,

там в Советах до самого поражения восстания больше грызлись, чем делом занимались). Потом все активные силы бросили на работу на самом крупном предприятии. Подняли завод на забастовку. Уже на следующий день были составлены требования к администрации, причем, не стали увлекаться политическими запросами, от этих вопросов только намек был касательно городских. Сразу был выбран представительный орган – депутатское собрание, представительный орган сформировал – исполнительный. Во главе исполкома поставлен безусловно авторитетный человек.

Делегация во главе с Климом пришла на встречу с заводским управлением. Ворошилов вел переговоры с директором завода К.К. Хржановским. Тот, видя перед собой совсем молодого парня, простого крановщика, попробовал продемонстрировать «интеллектуальное превосходство»:

– Вот вы, господа рабочие, просите 8-часового рабочего дня. Мне ваше желание меньше работать и больше получать понятно по-человечески. Но почему именно 8 часов? Почему сразу не 7 часов? Ведь тогда вам работать еще меньше нужно будет?

Клим с ответом не мешкал, а ехидства ему было не занимать:

– Как известно, наверно, Вам, человеку, несомненно образованному, господин директор, в сутках всего 24 часа. Человеку в течение этих 24 часов нужно не только работать, но еще спать и отдыхать для восстановления сил. Из чего сле-

дует, что вполне естественно будет разделить сутки на три части: работа, отдых, сон. Третья часть суток и составляет как раз 8 часов.

Директор растерялся с ответом. Такого от работяги он не ожидал. Инициативу упустил. Ворошилов его стал давить экономической частью требований. Хржановский попробовал отговориться тем, что для их выполнения нужны изменения в законодательстве. Клим, с улыбкой глядя на растерявшегося директора, попросил не вводить депутатов в заблуждение, они же ведь не просят увеличить рабочий день сверх установленного законом. Закона же, который устанавливает и минимальный рабочий день, и максимальную зарплату не существует.

Переговоры длились долго. Дирекция пошла только на незначительные уступки, вроде обязательного вежливого обращения с рабочими, и ультимативно потребовала забастовку прекратить, завтра всем выйти на работу.

– Пока все наши требования не будут удовлетворены, ни о каком возобновлении работы даже речи быть не может. Разговор продолжим завтра, – отрезал Ворошилов.

Он не рассчитывал, разумеется, что владельцы «Паровозостроительного завода Гартмана» сдадутся при первом же нажиме. Более того, он знал, что за свои барыши они будут держаться до последнего, но не отступят, пока на них не надавят... власти. Буржуй только под давлением властей может пойти на уступки. Пока он чувствует под собой опору в виде

государства – он сила. Нужно было эту опору вышибить.

Луганцы это понимали, и подготовились к этому заблаговременно. Пока на Гартмановском заводе происходили события первых дней стачки, комитет РСДРП(б) распространял по другим заводам листовки с призывом к рабочим поддержать своих товарищей-паровозостроителей, выйти на всеобщую забастовку. Еще до начала первых переговоров с администрацией паровозостроительного завода, комитетом были получены ответы от представителей большинства других предприятий города, что рабочие готовы бастовать. Даже предварительно, еще до начала всеобщей забастовки, была подготовлена листовка с таким текстом:

«Товарищи! Вчера мы, рабочие и работницы города Луганска, присоединились к товарищам – рабочим завода Гартмана и объявили забастовку с целью улучшения своей жизни, своего быта...».

Т.е., предусмотрено было всё до мелочей, и развитие событий было предугадано в точности. Оставалось только ждать. И ожидания оправдались. В поддержку паровозостроителей прекратили работу почти все заводы города, две типографии, аптеки, мастерские, ряд магазинов. Оставался в стороне только государственный пороховой завод. И тогда луганские большевики сделали то, что было повторено в Петрограде, когда бастующие ткачихи пошли по предприятиям города.

Двухтысячная колонна гартмановцев двинулась к порохо-

вому заводу. По пути к ней присоединялись бастующие других предприятий и к воротам казенного завода уже подошла шеститысячная демонстрация. Навстречу ей выбежал его начальник генерал Кобалевский с помощниками. Закатил истерику с угрозами страшных кар. Ему орали из толпы демонстрантов:

– Гудок давайте! Прекращайте работу.

Из ворот порохового повалили его рабочие, окружили свою администрацию, тоже требовали дать гудок к прекращению работы. Генерал Кобалевский перетрусил и сдался. Последний завод Луганска присоединился к всеобщей забастовке. Город встал.

Можно представить, что орал в своем кабинете градоначальник, когда к нему был вызван директор паровозостроительного завода:

– Скажи своим хозяевам, что мне плевать на их убытки! Если забастовка прекращена не будет и город не успокоится, то они мне – первые враги! Пока батюшка-царь меня успеет с должности уволить, я вас всех порву, как тузик грелку!

21 февраля состоялись новые переговоры управления завода Гартмана с бастующими. Администрация пошла на удовлетворение почти всех требований. Рабочий день был установлен 9-часовой. Расценки повышены на 30%. Полицию из цехов убрали. Заводская школа расширена, создана библиотека.

Понятно, что владельцы завода хотели сохранить лицо, не

выглядеть полностью капитулировавшими. Поэтому не согласились оплатить простой во время забастовки напрямую. Сделали по-другому: выделили 100 тысяч рублей из доходов завода за 1904 год в виде «поощрения» всему коллективу. Эти 100 тысяч рублей составили заводскую ссудо-сберегательную кассу.

22 февраля забастовка была прекращена. Победа была полная. Город вернулся к спокойной жизни. С одним нюансом: теперь все рабочие Луганска почувствовали свою силу.

Это был первый этап революционного выступления рабочих под руководством Клима Ворошилова в 1905 году. Завершился этот этап созданием рабочего властного органа – исполнительного комитета депутатского собрания рабочих (он после забастовки распущен не был) и консолидацией рабочих...

Приходит понимание того, почему биография Климента Ефремовича была под умолчанием все годы хрущевско-брежневского правления и почему нынешним «историкам» она не нужна? Уже даже Берия признание получил, а Ворошилов... ну в упор не замечают второго человека после Сталина в СССР!..

Обратите внимание, бастовали все предприятия Луганска, но забастовка закончилась после того, как было получено согласие заводской администрации выполнить требования только инициаторов – паровозостроителей. Кажется, что остальные рисковали впустую. Но, во-первых, не совсем

впустую, потому что на всех заводах администрация была напугана и уже не так зверствовала. И, во-вторых, рабочие были не такими дураками, которые про «журавля в небе» поговорку не знали. Всему своё время.

И луганские большевики приступили к следующему этапу – к созданию боевых дружин. Нарращивали силы последовательно, поступательно, сообразуясь с ростом сознательности и активности рабочих. Выявили среди них лиц, ранее служивших в армии, провели проверку их надежности, отсеяв болтунов, подозреваемых в связях с полицией и заводской администрацией, дороживших собственным благополучием. Сформировали из проверенных людей руководство боевой дружиной. Первым руководителем боевиков стал Тихон Лаврентьевич Бондарев, отставной солдат. По его совету дружинников разбили на законспирированные группы – десятки, со старшими во главе. Раздобыли старые пороховые ружья, сделали пики, в отдаленных от города оврагах и балках проводили занятия. Учились строю, обращению с оружием, стрельбе.

Больше того, еще создали при боевой дружине конспиративную группу медиков, санитарную дружину из заводских девушек. Руководителями группы стали заводской доктор Кац и фельдшер Софья Александровна Прянишникова.

И продолжали наращивать агитационную работу среди рабочих. На 1 мая провели грандиозную маевку, которую уже охраняла боевая дружина. Полицейские попробовали

это дело пресечь, вычислили через шпииков, где будет проходить митинг, навесили на себя наганы и «селедки», пошли разгонять и арестовывать активистов. Пришли. Увидели в пригородном лесу гуляющих с гармошками парней. Это боевая дружина устраивала для полиции представление. Прочесали лес – никого. Маевка была в другом месте. После митинга народ оттуда повалил в город. Шли с красными флагами, которые соорудили из женских красных платков. Прошли прямо через железнодорожный вокзал, как раз к приходу пассажирского поезда, потом с пением «Варшавянки» – через весь город. Пока полицейские бежали рысью от места, где их так жестоко обломили, в город – там уже было тихо. Никого. Только обыватели откровенно хохотали над потными от бега представителями власти.

И едва всё не пошло прахом из-за элементарной спешки и самонадеянности. После прекращения забастовки хозяева завода Гартмана очухались и принялись снова закручивать гайки, часть требований так и осталась неудовлетворенной. Решили добавить их новой забастовкой, которую начали 8 июля. Климент Ефремович потом сам, вспоминая те события, указал на ошибки, допущенные при её проведении: не учли того, что активно вмешается в события полиция и не в полной мере использовали силу уже окрепшей боевой дружины.

В разгар забастовочного собрания на заводской двор ворвались несколько сот полицейских. Стреляя в воздух, они

стали вытеснять людей с территории завода, началась паника, люди бросились врассыпную, основная масса – к реке Лугань, окаймляющей территорию предприятия. Ворошилов с комитетчиками в этой группе попытались навести хоть какой-то порядок, задержать полицию, дать людям переправиться через мелководную речку, но их отсекли от толпы и окружили. Прямо на месте начали избивать, сбили с ног и затоптали сапогами. Клим потерял сознание. Очнулся в заводском полицейском участке (полицейский участок на частном заводе!), там избиение продолжалось до полуночи. Били саблями в ножнах, рукоятками револьверов...

В полночь принесли веревки, приказали избитым людям подняться. Они уже не могли даже встать. Их выволакивали во двор, связывали попарно, потом сбили всех в кучу и опутали веревкой всю группу. Под конвоем полицейских и конных казаков повели через город. Пристав напутствовал конвой:

– Господа! Это опасные преступники и враги царя! При малейшем вмешательстве толпы – ликвидировать!

По пути к конвою присоединяли новых избитых арестованных – в городе шла облава.

К городскому полицейскому управлению подконвойных доставили только к утру – все были избиты так, что их чуть не волоком приходилось волочь. В управлении переписали фамилии и отправили дальше – в городскую тюрьму. Клим выделили из общей группы, бросили в карцер, снова начали

бить, он снова потерял сознание. Очнулся к вечеру следующего дня... И через несколько дней начал руководить и депутатским собранием, и большевистским комитетом. Находясь в тюрьме. Сначала Анна Лукинична Гущина, работница завода, выдав себя за мать Ворошилова, стала ежедневно приносить ему передачи и сообщения с воли, уносила с собой инструкции и указания. Потом... надзиратели же в городе жили, а не на Марсе. Идти со службы и бояться, что тебя пришибут работяги где-нибудь в переулке – не очень приятно. Да и сами надзиратели – не потомки буржуев и помещиков. Служащие. Получилось, что сама полиция посадила актив Луганской организации на казенные харчи и обеспечила ему охрану, а в лице служащих тюрьмы предоставила бесплатную курьерскую службу.

И никак не могла понять, что происходит в городе, почему народ не спрятался под плинтус, а стал еще активнее. Полицейские репрессии привели к противоположному результату: большевистская организация после неудачной забастовки не сократилась, а начала расти как на дрожжах, ее численность достигла 2000 человек.

Кстати, это в сравнительно небольшом городе, и не в 1917, а в 1905 году. Как-то эта цифра не очень соотносится с тем, как кургиняны представляют ленинскую партию. «Малочисленная секта меченосцев». Ну-ну...

Лето и осень в Луганске были веселыми. Стачки, забастовки, митинги – как везде. Только были «нюансы». По всей

стране, особенно по губерниям юга, прошла волна еврейских погромов. Царизм пытался слить недовольство властью в канализацию, в черносотенный национализм. Луганские националисты тоже попробовали свои силы в верноподданническом антисемитизме. Евреев в рабочем городе было не очень много, да и абсолютное их большинство были такими же полунищими трудягами, как и русские с украинцами. Среди заводских рабочих черносотенцев, понятное дело, почти не было. Только единицы из среды прикормленной хозяевами верхушки. Опора черносотенства – мелкий лавочник и люмпен. Как и немецкого фашизма, его идейного собрата. Да и в нынешнем нашем национализме – тот же контингент.

После октябрьского царского манифеста по городу поползли слухи о том, что евреи готовят «гроб для Государя», собираются его извести и самим править Россией. 21 октября начался погром, сожгли мельницу местного еврея, разграбили его дом, пошли грабежи и поджоги лачуг бедных евреев. К месту погрома прибыла боевая дружина под руководством Александра Пархоменко, будущего героя Гражданской войны, близкого друга Климента Ефремовича. Пархоменко увидел, что в рядах погромщиков стоят полицейские, фактически, охраняют их. Обратился к одному из них с требованием пресечь грабеж. Тот выругался:

– А тебе какое дело, голодранец? Смотри, самого сейчас арестую.

Александр Яковлевич сплюнул:

– Ну, ладно... Ребята, – обратился он к дружинникам, – бей эту сволочь черносотенную!

Дружинники разогнали кулаками и пинками «патриотов». Полиция струсила и разбежалась. Луганские большевики собирали факты покровительства полиции погромщикам. И когда царское правительство, оскандалившись с таким «патриотизмом», попробовало от них откреститься, в стенах I Государственной Думы депутатом от Луганска, бывшим школьным учителем Клима, С.М. Рыжковым эти факты были озвучены. Скандал получился хороший.

Большевики не дали погрузить город в волну беспорядков и погромов.

Когда 17 октября вышел царский манифест, полиция была вынуждена отпустить из тюрьмы арестованных во время июльской забастовки активистов. Но членов исполкома депутатского собрания во главе с Ворошиловым оставили под стражей. Предъявили сфабрикованное обвинение в покушении на жизнь полицейских.

К тюрьме двинулась демонстрация рабочих. По некоторым сведениям – 12-15 тысяч человек. С явным намерением раскатать тюрьму по кирпичику. Власть струсила, быстренько придумали, что Клима выпускают под незначительный залог и освободили оставшихся заключенных.

И власть в городе полностью перешла в руки Исполнительного комитета депутатского собрания рабочих.

Первым делом руководители луганских большевиков К.Е.

Ворошилов, А.Я. Пархоменко, Т.Л. Бондарев, И.И. Шмыров посетили казармы с расквартированными в городе казаками и солдатами. В войсковых частях сразу началось брожение. Их заменили. Ввели новые части, но командование уже не рисковало их применять для разгона демонстраций, держало в казармах.

В городе еще до революции была построена новая тюрьма, старую сносить не собирались. Больше того, ее отремонтировали, готовились к массовым арестам. Климент Ефремович приказал ее сжечь. Стены тюрьмы облили керосином, подожгли, остались одни головешки. Полицейские молчали, сидели тихо. Как мышки.

На заводах были созданы профсоюзные организации. Администрации заводов были поставлены под рабочий контроль. Из цехов вывели полицию, штрафы для рабочих были отменены, рабочий день сокращен до 8 часов.

На заседание Городской думы пришла делегация Исполкома. Потребовала ее роспуска и новых выборов. Городской голова требования удовлетворить отказался. Сразу по городу пошли демонстрации. Полиция не пробовала применять силу, только уговаривала не очень бузить. Думцы разбежались. Остался один властный орган – депутатское собрание рабочих.

Дальше – больше. Была создана народная милиция, костяк которой составили рабочие боевых дружин. Полиция была фактически изолирована. Финансировали милицию...

местные буржуи. Добровольно. После беседы с ними представителей Исполкома. Никаких паяльников и утюгов. Буржуи на свои деньги вооружали рабочие боевые отряды. Один отказался. Шахтовладелец Соломон Давидович Вендерович.

К нему в гости пришел председатель Исполкома собственной персоной. Разговаривали вежливо.

– Господин Вендерович, это же в Ваших интересах дать денег на наших дружинников. О погромах вам напомнить? Кто Вас защищать будет?– Клим говорил с улыбкой, ласково.

– Не пудрите мне мозги, господин Ворошилов. А то я не знаю, а то я не знаю, кто такие большевики и зачем им оружие! Газеты я читаю.

– Ну, тогда давайте начистоту. Вы же знаете, как иногда людям нужна финансовая помощь. И люди благодарны тем, кто ее вовремя оказал. Может наступить такое время, когда и Вам наша помощь понадобится. Обещаю, что если Вы выделите средства не только в той сумме, которую определил Исполком, но еще чуть-чуть больше, то мы об этом не забудем. Вам это зачтется.

– Мне нравится ваша откровенность, господин Ворошилов, – рассмеялся шахтовладелец. – Согласен. Заплачу.

Климент Ефремович слово всегда держал. Уже после окончания Гражданской войны, когда он был командующим Северо-Кавказским военным округом, к нему на прием пришел старик. Вот этот самый Соломон Давидович. Бедствовал, попросил помочь с работой. Климент Ефремович по-

мог ему устроиться инженером в горное управление. Бывший буржуй Вендерович до самой смерти честно работал на этом посту, умер уважаемым специалистом.

Власть Исполкома в городе была полная, дошло до того, что в Исполкоме утверждались цены на продукты и важнейшие товары в магазинах. А сама городская администрация в жизнь города не вмешивалась.

По всей стране после подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве началась уже реакция. На всем Донбассе правительственные войска заливали кровью вооруженные выступления рабочих: Горловка, Макеевка, Юзовка...

В Луганске на самой высокой заводской трубе висел красный флаг, в приемной председателя Исполкома робко топтался посланец полицмейстера, униженно прося снять знамя, потому что его начальнику нагорит за такое бездействие...

Вы заметили, что я при описании событий в Луганске ни разу слово «Совет» не употребил? А ведь революция 1905 года главным своим итогом имела образование Советов, как прообраза будущих органов власти. В крупных промышленных центрах, охваченных революционным движением, в 1905 году Советы массово и образовывались. А в Луганске – Исполнительный Комитет депутатского собрания. Конечно, полный аналог Совета, только название другое. Некому было подсказать, как правильней назвать? Кажется, да – неко-

му. Луганские большевики во главе с Ворошиловым форму будущего органа народовластия и путь к нему нашли самостоятельно. Не совпало только название. Это удивительный уровень политической зрелости.

В это же время началась подготовка к IV съезду РСДРП, потом получившему название «Объединительный». Последний съезд РСДРП до окончательного разрыва большевиков с меньшевиками. Обе фракции были заинтересованы в том, чтобы большинство делегатов были представлены их сторонниками. В Луганске меньшевики к тому времени потерпели сокрушительное идейное поражение, их лидеры утратили всякое влияние на рабочих и запросили помощи из Центра. Меньшевистской фракцией в Луганск были направлены опытные ораторы. Один них носил кличку «русский Бабель». Собрали большой митинг послушать этого краснобая. Оратор действительно был великолепным, сыпал цитатами из Маркса и Плеханова, шутками-прибаутками и примерами из литературы. Но не везло этим ораторам с Ворошиловым хронически. Меньшевик пытался убедить рабочих, что вооруженное восстание – это неправильное понимание Лениным марксизма и обстановки, оно приведет только к напрасным жертвам. Митинг понемногу начал бурлить, собравшиеся на нем, боевой авангард пролетариата Луганска, уже почувствовали правоту ленинской линии и верили не заезжему гастролеру, который имел сугубо интеллигентский облик, а своему вожаку – Климу, «Володьке». Начали раздаваться

крики:

– Большевики, сколько этот хлюпик будет нас дурачить?

На трибуну митинга вышел Ворошилов. Цитатами «Володька» не злоупотреблял, в речи коротко, просто объяснил, что милости от помещиков и капиталистов рабочие не дождутся, а неудачи в вооруженном восстании связаны с тем, что пока еще у пролетариата мало оружия и недостает организованности, нужно учиться на своих ошибках, делать из них выводы и готовиться к новым боям, а не капитулировать.

– «Русский Бабель» мудрено говорил, а наш «Володька» – правдивистей, – вынес резолюцию митинг.

Меньшевикам в Луганске делать было нечего. Их организация бездействовала, а затем большинство меньшевиков влились в большевистскую фракцию. И этот процесс происходил не только в Луганске, и не только в революцию 1905 года. Часть меньшевиков осознала свое заблуждение, искренне осознала. Но это только часть. Другие поняли, что политических перспектив у последователей Мартова нет, и перекрасились. Большевистская организация получила прививку меньшевизма. Это был неизбежный процесс, затевать чистку партийных рядов в условиях революционной задачи создания массовой партии было и глупо, и невозможно. Потом метастазы антибольшевизма и приведут сначала к раковому поражению ЦК в 1953 году, а дальше – к гибели КПСС.

Климент Ефремович от «Донецкого Союза» РСДРП был избран делегатом IV съезда партии, и весной 1905 года вы-

ехал в Петербург. Там исполнилась его мечта – познакомиться с Владимиром Ильичом Ульяновым-Лениным. Ленин проводил в Петербурге совещание с делегатами съезда от большевистской фракции, на этом совещании и встретились. Беседа между Владимиром Ильичом и представителем большевиков Луганска длилась несколько часов. Ленин, как вспоминал потом Климент Ефремович, расспрашивал его дотошно, доходя до самых, казалось бы, незначительных мелочей. Опыт возглавляемой Ворошиловым организации, самый удачный опыт первой революции, был особенно ценен.

А дальше был выезд в Швецию, в Стокгольм, к месту проведения съезда. Разумеется, и совещание делегатов в Петербурге было конспиративным, и выезд делегатов за границу – нелегальным. В одних случаях – по поддельным документам. В других – нелегальный переход границы. Ворошилов выехал в Швецию по поддельному паспорту на фамилию «Володин», под видом путешествующего туриста.

Мне особо этот факт биографии Климента Ефремовича нравится. Сейчас поясню. Часть делегатов, которых невозможно было вывезти по поддельным документам, отправили специально зафрахтованным пароходом. Часть – как Ворошилова, с липовым паспортом и по легенде. Пограничная стража проверяла документы и проводила опрос с целью проверки при пересечении границы. Легенда не должна была при опросе рассыпаться, внешность, манеры, речь – ничто не должно было выдать проверяемого. Теперь представьте,

как мог выглядеть в начале XX века путешествующий турист из России, к какому сословию он принадлежал?! Представили? Уж точно рабочий или крестьянин туристические поездки в те годы не совершал. Это было доступно только привилегированным, образованным сословиям. И речь другая, и облик совершенно другой. Рабочего можно было в сюртук нарядить, но сильно ему это не помогло бы. Скорее, наоборот. Несоответствие манер и лексикона внешнему виду, одежде, только подозрение вызвало бы.

Т.е., и у тех, кто занимался переправкой «Володина» в Стокгольм вопросов по соответствию легенды не было, и у пограничников России и Швеции никаких подозрений по поводу того, что под видом путешествующего туриста может скрываться малообразованный слесарь, не возникло. Пока просто этот факт запомните.

В Стокгольме произошло еще одно событие, во многом определившее жизненный путь Первого маршала. Организаторы съезда поселили Климента Ефремовича на одной квартире с делегатом по фамилии Иванович. Разумеется, фамилия его была тоже конспиративная, как и у «Володина». Это был Иосиф Джугашвили. Парни были почти ровесниками, оба начитанные, веселые, энергичные. Любившие хорошую шутку, увлеченные одним делом – революцией. Оба – непримиримые, как тогда выражались, ленинцы. Естественно, что они сразу подружились. Иначе и не могло быть. Они эту дружбу через всю жизнь и пронесли, как настоящие мужчи-

ны.

Джугашвили к тому времени входил в самый близкий к Владимиру Ильичу Ленину круг, Ворошилов был в этом круге новичком. Еще немного робел. Во время работы съезда он близко сошелся и сдружился с такими же молодыми членами партии, но уже проявившими себя во время революции. Владимир Ильич, видя, что эта группа старается держаться вместе, шутя называл их «могучей кучкой», любил, отдыхая в перерывах заседаний, проводить время с этой молодежью. Выделял их среди остальных делегатов. В «могучую кучку» входили сам Ворошилов, Ф.А. Сергеев – Артем, М.В. Фрунзе – Арсеньев, М.И. Калинин – Никаноров. Так формировалась настоящая ленинская гвардия. Не зиновьевско-бухаринско-каменевская группировка была ленинской гвардией. Назвать шайку попутчиков, которые постоянно гадили Ленину в карман, ленинской гвардией могли только наследники этой шайки, засевающие в идеологическом отделе ЦК КПСС, да их нынешние последователи в российской исторической науке.

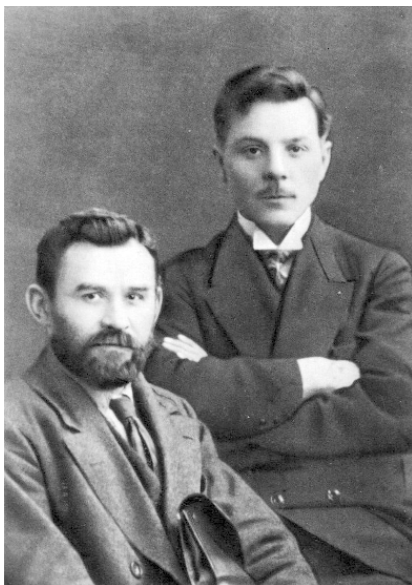
После съезда борьба продолжалась. Хотя в Луганске против Исполкома, аналога Совета, как я уже писал, власти и не решились вывести войска, но в соседних городах шли настоящие бои. Боевая дружина Ворошилова оказывала помощь восстанию города Горловка, например. И необходимо было оружие. Его нужно было достать. Эту задачу на себя взял сам Климент Ефремович. Задача была смертельно опасной, за

контрабанду оружия, да еще для целей вооруженного восстания, во времена реакции отделаться каторгой было огромной удачей. Если бы поймали, то виселица – перспектива вполне реальная, затянули бы на шее «столыпинский галстук». Первую партию оружия Ворошилов привез из Финляндии в Луганск, спрятав пистолеты под одеждой. Снова изображал из себя туриста-путешественника. Привез удачно, только партия была мелкой. Такими темпами вооружить боевую дружину было нереально.

И Ворошилов, немного поломав голову, нашел выход. Он решил изобразить из себя торгового представителя фирмы «Зингер», оружие спрятать в багаже под видом запасных частей к швейным машинкам. В Петербурге товарищи помогли ему приобрести подходящие для этих целей чемоданы, в Финляндии в них были упакованы пистолеты. Всё удалось. Полиция на станциях даже помогала «коммерсанту» уважаемой фирмы. В Миллерово, например, Клим угостил вином в буфете начальника станции и полицейского, те в благодарность его устроили на ночь на вокзале, потому что на станции не было приличной гостиницы.

От Петербурга Ворошилов ехал в одном купе с симпатичной дамой, которую провожала целая группа военных, она оказалась женой полковника, женщиной образованной и культурной. Во время поездки попутчики много разговаривали о литературе и театре, даме очень понравился «коммивояжер», когда Клим едва не отстал от поезда, она очень

беспокоилась, сто-рожила его багаж. После расставания пригласила быть в гостях у них с мужем в Ростове. Разумеется, жены царских полковников слесарей в гости к себе не приглашали, не правда ли?

К.Е. Ворошилов и Г.И. Петровский. Глядя на это фото понимаешь, почему он нелегально ездил за границу под видом туриста

Теперь вспомните, под какой легендой выезжал на IV съезд РСДРП в Стокгольм Ворошилов? Турист-путеше-

ственник. Вот в том-то и дело, что когда Клим скидывал рабочую блузу и облачался в приличный костюм, то его никто не мог отличить от представителей образованных сословий империи. Т.е., проще говоря, вполне интеллигентного вида был парень. С соответствующими манерами, кругозором, речью. Жены полковников принимали его за человека своего круга. И в биографическом очерке о Клименте Ефремовиче Акшинский привел воспоминания Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича о «слесаре»: «...Я невольно обратил внимание на его особенно значительную развитость, что тогда не часто встречалось среди представителей провинциальных наших рабочих организаций. В разговоре мне стало ясно, что он много читал и что вполне разбирается в литературе».

«Особенно значительная развитость» – это из уст интеллигента Бонч-Бруевича что-то да значит.

И не надо искать никакого секрета в том, почему по приказу Ворошилова рабочие шли на смертельный риск, почему одно его слово останавливало заводы и выводило толпы людей на демонстрации. Популярность еще совсем молодого Клим среди рабочих в своей основе имела не то, что он был типом а-ля Стенька Разин. Совсем наоборот. Отчаянно смелый, принципиально честный парень, своим трудом и умом добившийся того, что его культурный уровень был «как у господ» – вот это авторитет у рабочих. Настоящий.

Глава 4

Никиту Сергеевича несло дальше: «В нашей экономической, да и не только экономической литературе, например, долго имел хождение тезис, что при социализме платежеспособный спрос населения якобы должен опережать производство, что в этом будто бы заключается даже особое преимущество социализма перед капитализмом, одна из движущих сил нашего развития. Это явно ошибочное утверждение, противоречащее марксистско-ленинскому учению о соотношении производства и потребления, возникло на почве некритического, догматического восприятия ошибочного тезиса И.В. Сталина о том, что в СССР «...рост потребления (покупательской способности) масс все время обгоняет рост производства...». Последователей такой точки зрения не смущало то обстоятельство, что они по существу оправдывали нехватку предметов первой необходимости, консервировали порядки и психологию карточной системы. Социалистическое хозяйство – плановое хозяйство. Мы можем и обязаны всесторонне учитывать спрос населения при планировании объема и характера выпускаемой продукции».

Первый маршал едва сдержался, чтобы не рас-

смеяться: «Так вот куда ты загнул, Никита?! Теперь не производство будет гнаться за удовлетворением спроса, а вы сами будете спрос определять. «Всесторонне учитывать спрос населения...». Вас же Георгий Маленков предупреждал, что вы с огнем играете, нельзя допускать такую огромную диспропорцию в темпах роста группы А по сравнению с производством товаров для народа, вы народ без товаров оставите. А теперь вам мешают деньги на руках у людей. Их обеспечить нечем. Теперь вы цены повышаете и зарплаты понижаете, уже стахановцев ликвидировали». На душе у Первого маршала было мерзко. Было очевидно, куда ведут страну эти сволочи. Они намеренно будут дискредитировать социализм.

Ночью 31 июля 1907 года Клима снова арестовали. Такого «фрукта», естественно, держали в одиночке. Парню шел 27-й год. Всего только 27-й год, а пережить он успел столько, что некоторым с лихвой хватило бы на несколько жизней. Если Николай Островский писал о «закаливании стали» на примере мальчишек поколения начала XX века, то какой металл выплавлялся из таких климов?..

Впереди у арестанта была полная неизвестность, Ворошилов иллюзий особых не строил насчет своего будущего, просто убить его, без суда, полиция не решилась бы – слишком известная фигура, – но виселица вполне реальной перспек-

тивной была. По крайней мере, на каторгу он себе «турпоезду» заработал.

В одиночке было скучно и тоскливо. Развлекался тем, что громко пел «Интернационал», забавляясь заполошными криками надзирателей: «Молчать! Прекратить пение!». И обдумывал всё, что было сделано, искал в своих действиях ошибки, прикидывал, что было сделано необдуманно, что из опыта первой революции пригодится в дальнейшем. Потом в своих воспоминаниях он запишет выводы из этих размышлений: «...нам не удалось создать повсеместно прочного союза с крестьянством; слабо мы работали в армии и не обеспечили широкий переход на сторону революции солдат и матросов; не имели в достатке оружия, слабо и нерешительно использовали его в революционной борьбе против самодержавия; не сумели мы до конца и повсеместно разоблачить оппортунистическую, соглашательскую политику меньшевиков...».

Климент Ефремович тогда, сидя в тюрьме, еще не знал, что спустя сто лет найдутся «исследователи», которые станут на ясном глазу утверждать, будто царизм сам себя развалил, а большевикам осталось только «собрать страну». А то бы не ломал, наверно, себе голову над анализом собственных ошибок, и не напрягался бы в дальнейшей революционной деятельности, как дурак. Просто ждал бы, когда «либералы свергнут царя»...

А у полиции возникла с ним проблема. Арестовать-то аре-

стовали, а что дальше? Оказалось, что вожаку луганских рабочих предъявить в качестве обвинения абсолютно нечего. Вот просто нечего – и всё. Оцените: каждый околоточный знал, что Ворошилов, имевший подпольную кличку «Володин», организовал антиправительственные выступления рабочих, призывал к свержению «законной власти», создавал отряды боевиков, под его руководством власть в городе фактически перешла в руки Совета, нелегально выезжал за границу на съезд антиправительственной партии (конечно, о масштабной контрабанде оружия жандармы ни сном, ни духом)... А улики для суда... ни одной улики не было!

Вот когда кто-то мнит себя умнее, чем «слесарь», то пусть он прикинет свои способности заниматься столь масштабной «преступной деятельностью», при этом соблюдая такой уровень конспирации, что полиции нечего даже в основу уголовного дела положить. Ни одного задокументированного факта «преступной деятельности»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.